

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
НА ВТОРОЙ МИРОВОЙ**

**АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ
АНДРЕЙ МУРАВЬЁВ**

НЕПРОЩЕННЫЕ

Новые герои

Андрей Муравьев

Непрощенные

«ЭКСМО»

2015

Муравьев А. Л.

Непрощенные / А. Л. Муравьев — «Эксмо», 2015 — (Новые герои)

ISBN 978-5-699-79085-2

Современная Россия... Война на Кавказе сделала их смертельными врагами. Ильяс мстил за сестру, а капитан-танкист Олег невольно стал виновником ее смерти. Оба воина погибли, но высшие силы дали им второй шанс... 22 июня 1941. Из развалин разбомбленной казармы 44-го танкового полка Красной Армии выбирают окровавленные сержант и лейтенант. В небе – пикировщики Ю-87, от границы катится вал бронированных машин с черными крестами на башнях. Что делать? Спрятаться, пробираться на восток или вступить в неравный бой? Олегу ответ на этот вопрос ясен. А вот Ильясу – нет. Но война, которая вскоре будет названа Великой Отечественной, сама все расставит по местам...

ISBN 978-5-699-79085-2

© Муравьев А. Л., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анатолий Дроздов, Андрей Муравьев

Непрощенные

© Дроздов А., Муравьев А., 2015

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2015

Пролог

Башня «Тигра», отчетливо видимая в телескопический прицел, медленно повернулась вправо, затем – влево, после чего замерла. Длинная «оглобля» 88-миллиметровой пушки с дульным тормозом на конце плавно поползла вниз.

«Он же меня крестит... Сейчас!»

– Понеделин, мать твою! Чего ждешь? Стреляй!

Никто не отозвался. Похолодев пришедшим в один миг озарением, я осознал, что ни Понеделина, ни кого другого в танке нет. Я один в башне, сижу на месте наводчика и растерянно смотрю, как «Тигр» не торопясь выцеливает мой танк. Твою ж мать!

Схватился за рукоятки и нажал кнопку. Загудел мотор электромеханического привода, и башня медленно (слишком медленно!) стала поворачиваться. Сетка прицела поймала угловатый силуэт немца и замерла. Теперь опустить ствол... Мы его тоже «перекрестим».

Набалдашник дульного тормоза «Тигра» остановился и замер. Все. Я опоздал. Подкалиберный снаряд 88-миллиметровой пушки «Тигра» пробьет лобовую броню Т-62 – ему это по силам. Вольфрамовый сердечник снаряда и сорванные им осколки брони стальным безжалостным вихрем прочешут внутреннее пространство танка, разрывая на куски мягкую человеческую плоть. Мою плоть...

В отчаянии я надавил кнопку спуска: прицельного выстрела не получится, так хоть ослеплю вспышкой. Пушка молчала. «Забыл зарядить!»

– А-а-а!

Ослепительно-белое пламя, вспыхнувшее на конце ствола «Тигра», закрыло поле обзора. Удар! Я содрогнулся всем телом – и проснулся. Твою мать!..

Некоторое время лежал, ощущая, как стынет на теле горячий пот. Опять этот сон! Почему? Откуда «Тигр»?.. В жизни нашим танкам никогда не встретиться, а мне не сидеть в башне Т-62 – даже если случится война. Судимого в армию не возьмут – даже в штрафную роту...

Прислушался. В казарме отряда царил полумрак – до подъема не скоро. В отдалении кто-то смачно похрапывал, сосед наверху повернулся, что-то пробормотал во сне и затих. Я никого не разбудил своим криком. Вот и славно. Улегся на правый бок и закрыл глаза. Сознание медленно затухало. «Пусть снова будет «Тигр»! – промелькнула мысль. – В этот раз я успею. Непременно!»

Тьма...

Глава 1

– Вы признаете себя виновным? Несколько слов... Пожалуйста!

В лицо тычут микрофонами, над головой нависают телекамеры, самые настырные из журналистов даже пробуют оттеснить конвой. Я молчу и просто шагаю от автозака в толпу. Волна борзописцев отшатывается, оставив узкий проход к дверям. Иду быстро, хотя после раскаленной солнцем металлической будки автозака хочется подышать.

За изгородью что-то орут бесноватые тетки в платках. Там мелькают плакаты, шумят мегафонами милиционеры, гудит народ. И это только первый день. Что будет дальше? Там-парам. Выпить бы! Только кто ж даст? Эх!..

Зал переполнен, стоят даже в проходах. Судья кашляет и сморкается: он простужен. Где сумел? Лето в разгаре.

– Подсудимый, назовите себя!

– Вигура Олег Юрьевич.

– Последнее место службы?

– Командир роты гвардейского танкового полка.

– Воинское звание?

– Капитан.

Судья разбирается с другими участниками процесса и приступает к обвинительному заключению. Публика внимает: многочисленные земляки и родственники убитой, журналисты и просто любопытные – немногие допущенные в переполненный зал. Судья все читает, голос его звучит монотонно, и я забываюсь.

– ...Признаете себя виновным?

Это мне. Все замирают. Десятки взоров: любопытных, участливых, ненавидящих сфокусированы на моем лице. Они жгут щеки.

– Да.

– Дайте, пожалуйста, развернутый ответ.

– Я признаю.

Всеобщий вздох и шелест: будто ветром обдуло осину. Адвокат кивает, губы его шевелятся: «Продолжай! Как договаривались!» Судья приходит на помощь.

– Вы раскаиваетесь?

Молчу. Пауза затянулась. Адвокат хмурится. Оговоренный до мелочей сценарий забуксовал. «Ну же, скажи «Да!» Ведь объяснили?!» – Судья ждет своей реплики в заочно отрепетированном спектакле.

– Подсудимый, вы раскаиваетесь? – не выдерживает он.

– Да...

* * *

Это случилось весной. По раскисшим от слякоти весенним дорогам Чечни рота выдвинулась к селению, где, по сведениям разведки, засел отряд боевиков. Их требовалось выкурить и, по возможности, уничтожить. Операцию поручили батальону мотострелков, усиленному ротой танков. Выкурить не получилось. Или разведка лопухнулась, или боевики оказались проворнее нас, но в селении их не оказалось. Мы разместились лагерем за околицей и стали ждать. С приказом на отход медлили. Боевики, скорее всего, болтались неподалеку, в штабе опасались их прорыва. Широкомасштабная армейская операция на Кавказе сворачивалась. Бандитов загнали в горы, где методично добивали авиацией. Армия держала периметр, не позво-

ляя ичкерийцам выйти на равнину. Необходимость в крупных соединениях федералов отпала. Части раздербанили, расовав поротно и батальонно на опасные направления, строго-настрого наказав бдить. Мы и бдили... То есть пили, конечно, но и по сторонам посматривали... На душе у всех было погано. В марте арестовали командира нашего полка. Слухи о случившемся ходили смутные. Наши говорили, что полковник сгоряча задушил снайпершу, убившую двенадцать танкистов. Местные утверждали, что командир одурел от водки, съехал с катушек, схватил первую попавшуюся горскую девушку, насильничал и, чтоб концы в воду спрятать, ее грохнул. Тему активно раскручивали журналюги. Полковника выставляли зверем и алкоголиком. Никто из нас в это не верил. «Полкан» был крут, мог запросто съездить по роже, зато воевал как бог. За своих, коли надо было, глотку грыз. Мы прошли с ним всю Чечню, потеряв убитым всего одного. Так и вернулись бы со славой, не принеси черт эту снайпершу...

Кончался апрель, и гребаные горы вспомнили про нас. С какого бодуна вынесло на высотку у селения трех абреков, узнать не удалось – спросить было некого. Обкурились, наверное, моджахеды – за ними такое водилось. Как бы то ни было, они притащились, установили ДШК и врезали по расположению мотострелков. Пули калибра 12,7 мм свинцовым градом прошли по лагерю, калеча солдат и куроча грузовики. Боевики успели выпустить две ленты. К счастью, стреляли издалека, на таком расстоянии попасть трудно. «Двухсотых» у мотострелков не случилось, но «трехсотые» были. Тяжелые «трехсотые»...

Мы как раз там сидели: их комбат, начальник штаба батальона и я с Федосовым – моим заместителем по воспитательной работе. «Списывали» взятый на протирку оптики спирт. Услышав выстрелы, выскочили из кунга. Мне хватило пары секунд, чтоб сообразить. Не обращая внимания на обстрел, я рванул в свое расположение и через секунд двадцать уже влезал в танк. Следом протиснулся Федосов. Завелся, развернул башню и сквозь прицел нашел на вершине сопки пулемет на универсальном станке и три фигуры возле него.

– Осколочный!

Федосов мгновенно выполнил команду. Пулемет не смолкал. Быстро довел прицел и нажал кнопку спуска. Пушка грохнула, гильза вылетела в кормовой люк. Накрыли мы абреков с первого раза. Это для пулемета километр – расстояние, для пушки калибром 115 миллиметров – дальность прямого выстрела. Взрывчатого вещества в осколочном снаряде – три килограмма, достаточно, чтоб разнести особняк на Рублевке, не то что какую-то треногу со стволом.

В голове гудело от выстрела и спирта.

На вершине сопки вспух куст разрыва, а когда опал, там ничего уже не было: ни пулемета, ни стрелков. На что они рассчитывали? Ведь видели же танки? Точно – обкуренные...

– Осколочный!

Кровь бурлила, не желая успокаиваться. Пулеметный расчет уничтожен, стрельбу следовало прекратить, но накопленная в последние дни злость рычала в уши совершенно другое. На склонах, поросших «зеленкой», могли прятаться другие боевики. Могли? Да, несомненно! Тем более что я заметил какое-то движение... Так потом объяснял следователю. На самом деле мне хотелось стрелять – мстить этим взбунтовавшимся гадам, пыльным горам, раздолбаным дорогам, пустым улицам, чужому ненавидящему взгляду в спину: за полковника, потерянную семью, обрыдлую службу – за все, что давило душу. Отомстил... Очередной снаряд к «зеленке» не долетел. Зацепил ветку дерева, росшего на окраине, и взорвался в воздухе. Осколками накрыло ближний дом. Один залетел в окно и попал в человека. Девчонку... Нехорошо получилось.

* * *

«Демократические» газеты впоследствии писали: капитан российской армии, напившись, устроил бессмысленную стрельбу, в результате которой погибла невинная девушка.

Смотрите, какие типы пришли на мирный Кавказ! Алкоголики и палачи! О том, что в нас стреляли из ДШК, писаки скромно умалчивали. Сволочи... Горцы митинговали и требовали суда. На фоне дела комполка мое не выглядело громким, но его заметили. Меня и Федосова арестовали, потянулось следствие. Я отмазывал Витьку как мог, и его выпустили. Уволили из армии, но не посадили. Уже хорошо... Со мной такое не прокатило. Убийцу следовало накачать, а что до обстоятельств... В суде адвокат доказал необходимость обстрела «зеленки», но у прокурора нашелся железный аргумент. Из устава: перед стрельбой из пушки необходимо убедиться в чистоте сектора ведения огня. Ссылку на условия войны во внимание не приняли: на Кавказе войны формально не было. Мы туда погулять вышли...

– Четыре года!.. – произносит судья.

Зал взрывается. Люди вскакивают, кричат, потрясают кулаками. Особенно неистовствуют абреки. Полевого командира, резавшего головы пленным русским солдатам, приговорили к пожизненному, так почему танкисту, убившему горянку, только четыре? Абыдно! Судебные приставы наводят порядок. В наступившем шуме теряются слова приговора: «Лишить наград и воинского звания...» Странно, но я слушал это равнодушно, как труп. Да что там? Я и был труп – человек, потерявший все. Внешне живой; мог ходить, дышать, говорить, но на самом деле покойник. Будь проклят день, когда я надел погоны! Надо было в повара...

В колонии я читал – работа библиотекаря тому способствует. Жилось неплохо: блатная должность, уважение тюремного начальства, а к хождению строем и казарме не привыкать. Дело мое, опять же, получило резонанс. Россия, не та, что в телевизоре, а настоящая, не забыла своего солдата. В адрес колонии приходили письма и посылки: очень много писем, посылки – по норме. В некоторых письмах меня проклинали, но таких было мало. Большею частью писали нормальные люди. Они не верили ТВ и газетам, просили меня держаться, сообщали, что гордятся мной. Некоторые слали стихи. Ради того, чтоб это читать, стоило сесть. В посылках преобладали книги – главным образом о танках и танкистах. Люди, посылавшие их, думали, что мне будет приятно. Они не понимали: танкистом мне больше не бывать. Не заскочить в нутро могучей машины, не вдохнуть теплый запах солянки, машинного масла и краски, не ощутить себя единым целым с грозной стальной машиной, послушной и подвластной тебе. Не ввязаться в бой – стремительный и яростный, не ощутить по окончании его, как медленно утекает из тела напряжение, а на душе становится радостно и светло.

В одной из присланных мне книг я прочел про Вальгаллу, загробный мир викингов. У них считалось, что нет ничего хуже для нормального мужика, чем умереть в постели. Если ты – правильный пацан, то сдохни с мечом в руках, в бою, и тогда после смерти будешь пировать в палатах Вальгаллы и каждый день резаться с такими же счастливыми. А если сдохнешь в постели, то пойдешь на корм червям – и только. Я невольно задумался. Куда уходят души убитых в бою танкистов? В какую даль, в какой рай? Что там приготовлено? Облачка и арфы? Прогулки, пение и барашки у ног? А если мне по душе подрагивающий стальной пол, резиновый окуляр прицела и ритм, отбиваемый пальцами на рукоятке механизма поворота башни? Если нет ничего лучше, чем вид врага в перекрестье прицела? Что тогда?

Книги я читал: чем еще заняться? Было интересно сравнивать сочинения разных авторов, их оценки применения бронетанковых войск в различных операциях. Вранья в опусах было много, но попадалось и дельное. Особенно нравились мне воспоминания фронтовиков. В этих книгах дышала правда. Эти люди воевали, их танки подбивали и жгли, они не оставались в долгу. Они жили в суровое время, но знали, за что воюют. А я?..

Дважды меня пытались помиловать, всякий раз за Тереком закипали митинги, и я отказывался. Была еще причина. За воротами колонии меня караулила смерть. Многим я стоял поперек горла, даже бывшей супружнице: не разрешил новому мужу удочерить Альку. Муж оказался из бывших бандитов, вернее, из настоящих: бандит, сменивший спортивный костюм

на фирменный от Версаче. Мне передали его слова: буду упрямитесь – на свободе не заживусь. Не горцы, так свои порешат – куда спешить? За жизнь я не цеплялся, но и терять ее не желал.

Так и провел четыре года. Отсидел, отдал, освободился. Новая жизнь встретила цветами и музыкой. У ворот колонии стояла толпа: вездесущие журналисты с камерами, люди с букетами; из динамиков, пристроенных на крыше микроавтобуса, лился марш. От неожиданности я растерялся, не зная, что делать. Подлетевший Федосов, раздобревший и странно выглядывший в штатском, затолкал меня в джип.

– Велели не устраивать митинг! – объяснил уже в машине. – Видишь, сколько народу? Как только пронюхали?

Я не возражал: шума не хотелось. Просочиться мышкой все равно не удалось – меня узнавали: в аэропорту, в самолете, в зале прибытия... Люди подходили, жали руку. Федосов нервничал и старался прикрыть меня телом: он до сих пор чувствовал себя мне обязанным. Облегченно вздохнул только в московской квартире, куда мы добрались ранним утром.

– Поживешь пока здесь! – сказал, запирая дверь. – Холодильник полный, если что понадобится, звони! – Он положил на стол мобильный телефон и визитку. – Сам не выходи. Вот еще! – Он достал из стола «макаров». – На всякий пожарный!

– Вышел из тюрьмы, чтоб сесть в другую? – усмехнулся я.

– В Грозном опять митингуют, – вздохнул он. – Пусть выпустят пар. Не переживай, командир, все будет пучком! Работа, квартира, бабы, бабло – много бабла и баб-с! Большие люди о тебе заботятся, знай. Я днем приеду, пока не кипишуй.

Я не возражал: не хотелось. Мы отметили возвращение, Федосов уехал, а я завалился спать – устал. После полудня праздник продолжился. Приезжали незнакомые люди, обнимали, жали руку. Я вступил в какие-то союзы и ассоциации, подписывал договоры. Витька с умом использовал свою нечаянную известность – у него были умные родители. После увольнения из армии подался в политику и преуспел: пробился в Думу. Мне Витька сказал, что бумаги подписывать нужно, я не стал спорить: ненадолго. Водка и коньяк лились рекой. Разбрелись к ночи. Голова была тяжелой, но по въевшейся привычке сначала навел в доме порядок и потопал на кухню. Хотелось березового сока – чтоб из детства. Кисло-сладкого, пахнущего весной. Весна несет радость и надежду...

Выглянул в окно. Бетонные стены многоэтажек, забитый машинами двор, редкие в этот час прохожие... Чужой, слишком чужой для меня мир. В юности я мечтал жить в Москве. Это было глупо, но я верил: повезет! Старался: образцовый взвод, образцовая рота... Затем последует лучший батальон, отличный полк. После дивизии можно и в Москву. Наивная мечта гарнизонного офицера... Жена поначалу тоже верила, но быстро разочаровалась. Перспектива провести жизнь в Забайкалье ее не вдохновляла. Я ждал. Шанс выпал внезапно, хотя какая тут неожиданность? Для офицера война – возможность исполнить мечту... или сдохнуть. В Ханкале, поминая незнакомому мне майора, я спросил мордатого штабного: почему выбрали наш полк? Зачем везли из Сибири? Не нашлось ближе?

– Здесь нужно воевать, – ответил, пошатываясь, штабной. – Какая теперь армия, знаешь? Все развалили на хрен! Ваш полк рекомендовали, и, как вижу, не зря. Не знаю, как у вас это получается: за месяц боев ни одного «двухсотого». Сколько танкистов положили в первую кампанию, помнишь? Воюй, Вигура! Наградами засыпят. Чего хочешь дадут!

– И квартиру в Москве?

– Хоть две! – хмыкнула морда. – У тех, кто наверху, от здешних дел штаны мокрые. Будешь результат давать, не пожалеют и квартиры, и дырки для ордена.

В тот миг я думал об Альке. Если квартиру дадут, жена вернется, а с ней – и дочка. Жутко хотелось семейных вечеров. И чтобы дочка рисовала... Не вышло. Квартира в Москве у меня появилась, только Алька в ней не живет. Да и мне оставалось недолго.

Длинный день подошел к концу. Телевизор смотреть не хотелось, читать тоже – надоело в колонии. Оставалось пить. Водка в холодильнике кончилась, звонить Федосову, чтоб подвез, не тянуло. Да и город хотелось увидеть, людей: соскучился за проволокой... Достал пистолет, вытянул из кучи пакет поприличней, оделся и пошел. Во дворе было пусто, в магазине вряд ли узнают – Москва. Перед выходом из подъезда еще раз проверил «макаров» и загнал патрон в ствол.

Во дворе светил одинокий фонарь и лил дождь. Огляделся, сунул руки в карманы и потопал. Мир был зыбким и мокрым, и на мгновение мне показалось, что все, что в нем осталось, это я, никому не нужный вояка, и ущербная луна, пробующая пробиться через тяжелые тучи, чтобы рассмотреть козявку-человека. Когда за спиной послышались торопливые шаги, даже полегчало. Оглянулся. Щуплый, невысокий пацан бежал следом. Я перехватил «ПМ» в кармане куртки. Пацан подбежал ближе и остановился, пытаясь вытащить пистолет из кармана. Тот зацепился. Лицо у говнюка было испуганным. Мокрые от дождя черные волосы, густые брови... Меня захлестнула злость: киллер, мать его! Не могли найти лучшего?

– Ну? Ты пришел за мной, малыш?

За спиной пацана что-то закричали: видимо, приободряя. Да их тут целый аул! Потанцуем? Сначала я собирался съездить «бойцу» по роже и обезоружить, но присутствие помощников меняло дело. Пацан наконец вытащил пистолет, и я нажал на спуск. Чернявый качнулся и упал лицом вниз. Я вскинул «макаров», целясь на звук голоса, но в черноте двора разглядеть противника трудно. Огненный пульсирующий факел вылетел из окна припаркованной в отдалении машины. Выстрелов я не услышал. Когда в тебя попадают, их не слышно...

* * *

По пустынной улице катился одинокий шарик перекасти-поля. Докатился до салуна, ткнулся в крыльцо, пролетел мимо лавок бакалейщика и шорника и притормозил у входа в банк.

В пересохшем рту першило, потели ладони. Стоять на порывистом сухом ветру было неприятно, песок забирался в щелочки глаз, попадал в рот, прилипая к потной шее, вызывал зуд. Нетерпимо хотелось почесаться.

Напротив покачивалась грузная фигура. Грязное пончо не скрывало мощный торс, длинные руки походили на конечности гориллы. Мятая шляпа с обвисшими полями, закрывающими глаза, довершала картину. От фигуры веяло силой, прямой и жесткой, как удар топором по подставленной шее.

Он должен успеть первым!

– Ну? Ты пришел за мной, малыш?

«Never free, never me, so I dub the unforgiven», – завывало в голове.

Ильяс рванул рукоятку кольта, но стоявший напротив выхватил свой быстрее. Его револьвер взлетел вверх будто сам собой, зрачок ствола выплюнул сноп искр.

В грудь ударило, стало нечем дышать. Не успел!

– Unforgiven! – по-прежнему ныло и ревело в ушах...

Ильяс рывком сел, встряхнул головой и уставился на стену. Тишину квартиры в Алтуфьеве рвали гитарные переливы шведско-американской группы.

– So I dub the unforgiven! – рычал из динамиков мобильного телефона рингтон.

Ильяс накрыл телефон ладонью, глянул на часы. Два часа ночи. Кто?

«Дядя Аслан», – подсказал экранчик.

– Здравствуй, дядя! – Спросонья слова приветствия вылетели на русском языке. Так было не принято, некрасиво. Он тут же поправился: – Салам.

– Салам, Ильяс...

– Что случилось, дядя?

Голос собеседника дрогнул:

– Приезжай, Ильяс... Розу убили. Похороны послезавтра.

Ильяс хотел спросить: «Кто убил?» – но не успел. Собеседник положил трубку.

Розу Ильяс помнил. Нескладная, черноволосая, высокая. На год младше Ильаса. Он учил ее стрелять... В последний раз виделись на дне рождения бабушки. Сколько ей тогда было? Шестнадцать? Значит, теперь восемнадцать... «Было восемнадцать», – поправился он.

Ильяс спустил ноги с кровати, осмотрелся. Надо предупредить деканат об отлучке. В голове крутились мысли одна другой бестолковее. Покупать подарки для родни? Хватит ли денег? А еще билет на самолет...

Телефон снова зашелся переливами гитары. «Сестра».

– Салам, Эльмира.

– Розу убили! Дочку дяди Аслана.

– Знаю, он звонил.

Сестра еле сдерживала рыдания, всхлипывая. Они с Розой дружили: в детстве играли вместе.

– За что? За что все это? Когда, наконец, кончится?

– Успокойся, Эля. Выпей лекарства и ложись спать.

– Я еду на похороны. Мы лето вместе провели. Я Розу... – Сестра все же не сдержалась и заревела в трубку.

– Успокойся. Я закажу нам билеты.

Эля всхлипнула еще разок, понемногу сдерживаясь.

– Отчего она умерла? – Ильяс поправился. – Кто ее убил?

– Не знаю... Дядя не сказал. Он сам не свой.

Ильяс вздохнул:

– Ладно. Давай спать. Утром закажу билеты.

– Я сама закажу. У тебя даже на поезд не хватит.

Ильяс смолчал.

– До встречи!

– Спокойной ночи!

Экран телефона медленно погас. Спать уже не хотелось.

* * *

В аэропорту Владикавказа их встретили двоюродные братья. Муса, сын дяди Ахмета, и Шамиль, средний сын дяди Рустема.

– Салам.

– Салам.

Они молчали до самого выхода. Только у машины Ильяс не выдержал:

– Кто?

Муса кивнул на скучающего в стороне солдата.

– Они, брат.

...Ехали долго.

Потом были похороны. Ревущие родственницы, высохшие, ввалившиеся глаза бабушки, промозглый ветер на склоне, сухие комки земли в ладонях.

Муса привел его на склон, когда гости покинули двор.

– Возьми земли, Ильяс. Это хорошая земля. Наша. Бери!

Он послушно зачерпнул ладошкой крошащуюся породу.

– Это хорошая земля, Ильяс. Это земля наших предков. Твоих и моих, брат.

За спиной слышались шаги. Вверх по склону поднимались Шамиль и дядя Аслан.
– Ты уже взрослый, Ильяс. У взрослых свои законы.

– К чему ты это мне говоришь, Муса?

Но ответил не двоюродный брат. Заговорил дядя Аслан:

– Я не могу быстро ходить. У меня больная нога. Уже десять лет.

Ильяс знал, где дяде прострелили ногу. Он кивнул. Это знали все.

– Моих сыновей убили. Теперь забрали дочь, – дядя Аслан потер бороду, он нервничал. – За жизни сыновей со мной рассчитались. Но Роза уйдет неотомщенной.

Ильяс напрягся: он ближайший родственник Розы, ближе, чем Муса и Шамиль. Мстить? Ему? Учился, учился, а теперь в горы?!

– Мы все сделаем правильно, дядя, – ответил Муса. Он посмотрел на Шамиля и Ильяса. – Так?

Шамиль закивал.

– Мы найдем и покараем. Так ведь, брат? – Ладонь Мусы легла на плечо Ильяса.

– Я слышал, его арестовали и будут судить, – Ильяс, как мог, оттягивал неизбежное.

– Это их суд, брат. Их законы, их судьи, их тюрьмы. Они не хотят, чтоб мы волновались, они боятся нашей мести. Один воин стоит тысячи баранов. А там бараны, брат. Бараны и шакалы. Мы будем жрать одних и резать других, брат!

Шамиль кивал все энергичней. Глаза его лихорадочно блестели. Зрачки казались огромными. Да они больные!

– Его будут судить, и если отпустят... – попытался вывернуться Ильяс.

– Даже если посадят, брат! Он отсидит, а сестры не будет. Ее не выпустят через пару лет, не вернут отцу. Не думай, брат! Действуй, как велит сердце.

На другое плечо легла ладонь дяди.

– Мы отомстим. Так?

Он ждал этих слов. Знал, что услышит, и боялся. Всю свою жизнь пытался выскочить из раскручиваемой спирали предложенной судьбы, старался, полз и, кажется, почти соскочил... Но только «почти».

На вопрос можно было не отвечать. За него уже решили. Упереться? Нет... Место и окружение выбрано правильно. Подперли со всех сторон. Похороны отодвинули далеко рациональное «я». В груди клокотало, настойчиво били в висок маленькие злые молоточки.

– Да, Муса!

– Это правильные слова – от сердца.

На душе Ильяса было пусто.

* * *

Он забыл этот разговор. Заканчивался четвертый курс, шла преддипломная практика. Эля съехала в Голландию к родителям покойного мужа, и в распоряжении Ильяса была прекрасная двушка на Фестивальной. Жизнь казалась простой и легкой.

Телефон зазвонил в семь часов вечера.

– Кто такой «Муса»? – Лера схватила трубку первой и теперь морщила носик.

– Много будешь знать, скоро... – начал Ильяс, но не закончил поговорку – в дверь постучали.

Телефон затих.

– Кто там?

– Свои, брат!

За дверью стояли Муса, Шамиль и двое незнакомых ребят.

– Салам.

– Салам, брат.

– Кто там, Илья? – любопытствовала Лера из ванной комнаты.

– Это по делу.

Муса ухмыльнулся и попробовал войти в прихожую, но Ильяс перекрыл проход.

– Что-нибудь случилось?

Шамиль закивал головой. Муса заглянул через плечо Ильяса, ухмыльнулся шире:

– Попроси свою девушку ехать домой, брат.

– Зачем?

– У тебя всю ночь будут гости.

– Какие гости?

Муса повернулся к двум незнакомым парням и представил их:

– Рустик. Толя.

Ильяс удивленно уставился на двоюродного брата. Шамиль все так же кивал, напоминая болванчика. Глаза его неестественно блестели.

– Попроси ее уйти. Мы подождем на кухне.

– Зачем?

– Надо, брат, надо! – Глаза Мусы сузились. – Очень надо.

...Через десять минут обиженная Лера ехала домой на такси, а сам Ильяс стоял напротив развалившейся на диване четверки гостей:

– Что происходит?

Муса взял со столика пульт управления DVD.

– У тебя есть любимый фильм, Ильяс? Здесь, на полке? – он указал на стопку дисков.

– «Потоп», – автоматически ответил Ильяс.

– Слышали? – Муса повернулся к Рустiku и Толику. Те затрясли головами.

– Просмотрите все. Чтобы про волны, мосты – все запомнили!

– Там про семнадцатый век, исторический фильм, – уточнил ничего не понимающий Ильяс.

– Это не важно, брат. Они посмотрят, запомнят и скажут, что вы смотрели кино вместе.

Идем! – Он потянул Ильяса из комнаты.

– Куда?

– Он вернулся! Выпустили! Ты не смотришь телевизор? Выпустили! – шептал Муса.

– Кого?

– Его! Он здесь, брат!

– Мы куда-то едем?

– Туда-то, брат. Туда-то! Едем отдавать долги!

* * *

Промозглый морозящий дождь. Два часа ожидания в тонированной десятке со снятыми номерами. Вход в нужный подъезд просматривается все хуже.

– А если он не выйдет, Муса?

– Он не видел света четыре года, брат. Он обязательно выползет.

Шамиль кивает. Он всегда кивает. Не говорит, не спорит – только кивает.

В десятом часу дверь подъезда распахнулась, высокая фигура вышла в свет фонаря.

– Он!

Человек шел быстро, покачиваясь, но быстро. Шел к огням ночного магазина.

– Пошли!

Они выскочили из машины, Ильяс сунул руку в карман, охватывая ребристую рукоятку.

В голове застучали незванные балладные переливы.

– «Unforgiven!» – била в виски позабытая мелодия.

Кровник удалялся, Ильяс побежал. Надо успеть сделать это во дворе, где нет свидетелей! Ильяс почти успел, как человек впереди внезапно обернулся. Ильяс потянул пистолет из кармана, зацепился, рванул еще раз. В руке человека блеснул ствол.

– Ну? Ты пришел за мной, малыш?

Ильяс тянул рукоятку оружия, понимая, что не успевает. Совсем не успевает.

За спиной рычал Муса:

– Отойди! Дай я его!

Пистолет в чужих руках выплеснул сноп искр. В грудь Ильяса вонзился огненный штырь.

– You labeled me, I'll label you, So I dub the unforgiven!¹ – ревело в ушах.

На глаза навалилась тьма...

¹ Ты назвал меня, я назову тебя, я нареку тебя – непрощенный (англ.)

Глава 2

Авианалет закончился так же стремительно, как и начался. «Юнкерсы», «штуки», отбомбились по намеченным целям, прочесали развалины из курсовых пулеметов, добывая выживших, и ушли на запад. С задачей они справились. Подвижной парк танковой дивизии, запасы горючего – все это более не существовало. На площадках полыхали до неба развороченные взрывами цистерны, горели грузовики, мотоциклы и тягачи. Под грудами покореженного кирпича застыли танки и артиллерия. В развалинах казарм еще шло движение, но это не было выдвижением по сигналу тревоги. Выжившие в налете спешили покинуть место разгрома.

Самолеты завершили то, что часом раньше начала артиллерия. 22-я танковая дивизия РККА не смогла развернуться на линии обороны. Вернее, не успела.

Где-то у реки били по врагу пушки дежурных танковых частей, сражался мотострелковый полк дивизии, стреляли редкие добравшиеся до реки «сорокапятки». Туда тянули связь, разорванную бомбежкой противника, пробовали доставить снаряды. Но это было агонией. Из девяти тысяч бойцов в строю осталась едва половина, технику выбили еще в большей пропорции.

Когда гул самолетов стих, груды битого кирпича покрылись людьми. Бойцы рвали на бинты чистое исподнее, перевязывали раненых, искали в развалинах выживших и погибших. Принесли тела комиссара и военинженера, пробовавших под огнем организовать выход техники. Медико-санитарный батальон грузил раненых и отходил к лесу. Принявший командование майор собирал экипажи для оставшихся танков. 44-й танковый полк спешил к Бугу. Там шел бой...

Новый артобстрел внес волну сумятицы. Никто не обратил внимания на выбравшихся из развалин очередных оглохших и наглотившихся пыли бойцов. Сами разберутся, не маленькие.

Артобстрел утих. Танковая колонна под прикрытием оставшихся зениток начала выдвижение. Чадили выхлопом высокие «бэтэшки», крутили башнями Т-26, лязгал гусеницами тяжеленный «КВ».

Крепко сбитый рыжеволосый сержант с окровавленной головой и высокий жилистый младший лейтенант, вылезшие из развалин казармы, не могли прийти в себя. Вместо того, чтоб искать своих или бежать к «оружейке», они нервно крутили головами. Смотреть было на что. Горящее офицерское общежитие, развалины казармы, длинные ряды из развороченных и разбитых бомбами машин и танков, многие из которых горели. Эти двое не разговаривали и вообще старались не смотреть друг на друга. Лейтенант оторопело глядел на полыхающее здание общежития, осматривал руку, покрытую спекшейся кровью и пылью, прислушивался к канонаде. Сержанту хватило беглого осмотра тел убитых красноармейцев. Он покачал головой и ушибнул себя за руку, попав на ушибленное место.

– Твою мать! – ругнулся, скривившись от боли.

– Что, простите? – Лейтенант навис над сержантом.

Тот вытянулся:

– Разрешите обратиться, товарищ... – Он всмотрелся в одинокий эмалевый квадратик на черной петлице. – Товарищ младший лейтенант. Вопрос можно?

– Кто лейтенант? – не понял командир. – Я?

Сержант нахмурился, и собеседник спохватился:

– Что-то меня немного ведет. – Он перехватил поудобнее раненую руку. – Спрашивайте. Конечно.

Лейтенант скосил взгляд в сторону пробегающих мимо красноармейцев, затем перевел его на тела убитых. Выглядел он обеспокоенным и нервным.

– Мне голову разбило, и все, что помню – взрыв... Какое сегодня число, товарищ младший лейтенант? – продолжил сержант.

Командир его не слышал. Он смотрел на труп с развороченным животом. Вырванные взрывом кишки вывалились на кирпичное крошево и лежали на нем неаппетитной грудой: сизое на буро-красном. Лейтенант побледнел и вывернул содержимое желудка под ноги замершему сержанту. Сверху, по кирпичной осыпи, скатился расхристанный красноармеец:

– Товарищ командир! Там вход в учроту раскопали, людей надо собрать, чтобы танки вывести, пока бомбить снова не стали, а меня слушать не хотят. Помогите организовать!

Лейтенант поднял ословелый взгляд на подбежавшего бойца, покосился на труп, позеленел и скрутился в приступе рвоты.

– Ясно! – резюмировал сквозь зубы сержант.

Красноармеец, совсем еще молоденький паренек с широким детским лицом, чуть не плакал:

– Я кричу им, кричу, а они бегут и только отталкивают. Товарищ лейтенант!

Лейтенант скрутился в новом приступе.

Сержант стер со лба струйку крови, оставив на покрытом пылью лице грязно-красные разводы, и повернулся к бойцу.

– Где танки, говоришь?

– Там!

– Веди!

– А товарищ лейтенант?

Сержант смерил командира тяжелым взглядом и повернулся к красноармейцу.

– Не видишь, контужен лейтенант. Очухается, догонит. Веди! Ждать нельзя!

Боец кивнул и полез вверх по осыпи. Сержант карабкался следом. Лейтенант, согнувшись и размазывая по щекам перемешанные с пылью слезы, пытался сдержать судорожные позывы желудка.

* * *

Ильяс

Свет возвращался урывками и бликами. Концентрические круги и сверканье искр в беспросветной черноте сменились зыбким маревом. Заныла рука. Что это? Сон?

В ушах Ильяса еще звучали отголоски мелодии, но на зубах почему-то хрустел песок, а рукоятки пистолета в руке не было. Где он? Почему ноги засыпаны осколками кирпича, а спина ноет, как будто хватила обухом? Что за одежда на нем? Откуда широкий ремень со странной пряжкой? Что за шум в ушах?

Он встряхнул головой. Шум не проходил. Стены здания, внутри которого находился Ильяс, тряслись, ходил ходуном низкий потолок. Болели ноги, спина, страшно ломило в затылке.

Он подтянулся, освобождая ноги, в ответ на это движение вспыхнул и запульсировал огонь в рассеченной руке. Ильяс выругался сквозь зубы. Стало легче: выпустил злость. Будто крышку чайника приподняли.

У противоположной стороны послышался стон. Груда кирпича разошлась, явив взору Ильяса здоровенный армейский сапог, затем на свет появился и обладатель его – рыжеволосый здоровяк с окровавленной головой.

Незнакомец был одет в запыленную гимнастерку, армейские шаровары, заправленные в сапоги. Ильяс отметил, что погон у вылезшего незнакомца не было, как и то, что обмундирование незнакомца странного серо-стального цвета.

От близкого взрыва лампочка под потолком мигнула и погасла. Ильяс зашарил по карманам в поисках зажигалки или сотового, но ничего подобного там не было. Даже спичек.

– Черт! – выругался Ильяс.

В темноте чиркнула спичка, осветив лицо здоровяка.

– Э... друг, – начал парень и осекся.

Как называть этого рыжего? Друг ли это?

– Где мы? – Главный вопрос выскочил сам и прозвучал панически. – Где?

Здоровяк потряс головой, помычал и показал на собственную голову. Немой, что ли?

– Ты немой?

В колеблющемся свете блеснули белки глаз. Здоровяк выплюнул забившую рот штукатурку.

– Мне кажется, нас засыпало. – Ответ прозвучал глухо.

Спичка погасла, комната погрузилась в темноту. В дальнем конце кто-то шевелился. Здоровяк выбрался из-под обломков и пополз на шум. Чиркнула еще одна спичка.

Ильяс отправился следом и наткнулся на мужчину в армейской форме, придавленного потолочной балкой. Старинная деревянная конструкция ударила его по груди и плечу, видимо, переломав кости. Раненый стонал в забытьи.

Здоровяк уже сопел рядом, расчищая тело от обломков кирпичей.

– Помоги!

Очередная спичка погасла, оставив их в темноте. Ильяс подобрался поближе, перехватил балку, потянул вверх.

Раненый зашелся в кашле, переходящем в хрип, дернулся и застыл обмякшей кучей.

– Отмучился, – резюмировал здоровяк.

– Где мы? – снова спросил Ильяс и снова не получил ответа. Он опустил уже ненужную балку.

Здоровяк, невидимый в темноте, с сопением начал очищать заваленный проход из комнаты. Камни, кирпичи, куски штукатурки отлетали почти к другой стороне комнаты. Через пару минут где-то сверху забрезжил лучик света. Ильяс взялся оттаскивать мусор от расшившегося прохода.

– Вас как зовут? – Он пробовал узнать хоть что-то об окружающем мире.

Рыжий остановился, повернул голову и пожал плечами:

– А хрен его знает, товарищ командир. Мне в голову чем-то шандарахнуло. Плывет все кругом.

– Даже имени не помните?

Здоровяк пожал плечами, показывая, что разговор окончен.

Он тужился, силясь поднять здоровенный кусок кладки, придавивший обломок балки. Вдвоем дело пошло быстрее.

Спустя короткое время они выкопали узкий лаз наверх. Расчистили. И поползли.

Дневной свет после темноты резал глаза. Отдаленный грохот канонады уже не давил на уши. Ильяс осмотрелся. Где он, черт возьми?

Он осмотрел себя. Военный ремень, штаны с карманами, явно армейские, сапоги. Гимнастерка с кубиком на каждой петлице и такого же странного, как и у сержанта, серо-стального цвета. Погон нет. Форма явно советская, не российская, а именно советская, причем древнего образца. Это что? И почему стреляют пушки? Война?

Взгляд Ильяса упал на полусгоревший обрывок газеты. Лицо крестьянина, заголовок «Дать больше!» и дата... 14 июня 1941 года!

Здоровяк-сержант его о чем-то спросил, но Ильяс не слышал. Он ошеломленно глядел на мертвеца на краю воронки. Кишки из разорванного живота вывалились в кирпичное кро-

шево, толстые мухи кружили над спекшейся кровью. В нос лез запах гари с легкой примесью... шашлыка.

Ильяс внезапно понял, что «шашлык» здесь жарить будут не скоро. И горит не баранина... Ком в животе рванул наружу, тело свело в судорогах. Ильяс согнулся пополам...

* * *

Олег

В колонии я видел сон. Темная обшарпанная квартира с неудобными длинными комнатами, низкие потолки, узкие коридоры. В комнатах старая, полуразвалившаяся мебель, какой-то хлам в углах, мерзкий запах плесени и гнили. Выглядываю в окно – серая муть. Пытаюсь открыть дверь – не поддается. Приходит четкая мысль: в этих стенах я навсегда. Безнадега...

Сон повторялся, и я решил: если существует загробная жизнь, то меня ждет именно такая. Не Валгалла. Ее я не заслужил. Вышло иначе. Мир, в котором я очнулся, был живым и яростным. Саднила рассаженная кирпичом голова, ныла ушибленная спина, но на это было плевать. Руки-ноги слушались, голова соображала, светило солнце и голубело небо. Здесь шла война: рвались снаряды, горели дома, но я был жив и мог действовать. Бросив нервного «летеху» блевать (война – блюдо не аппетитное, пацан!), полез по осыпи. Боец карабкался впереди. Наверху я остановился: открывшаяся картина заставила свистнуть. Большое приземистое здание (бывший склад, как пить дать!) пылало. Огонь охватил крышу, кое-где уже лизал стены...

– Быстрее, товарищ сержант! – Паренек схватил за рукав. – Сюда!

Лезть в горящее здание казалось самоубийством – вот-вот должна обрушиться крыша! – но боец смотрел умоляюще, спорить не хотелось. Прыгая по кускам кладки, мы скатились вниз и подбежали к складу. В стену здания ударил снаряд, проломив брешь. Осыпавшиеся обломки растащили: проникнуть внутрь не составляло труда. «Тот самый вход, о котором говорил боец». Паренек шмыгнул в пролом, я, поколебавшись, полез следом.

Внутри стоял полумрак и плавал дым, к счастью, не густой. Виднелись темные остовы танков, непривычно маленьких и кургузых. На угловатой броне машин кнопками-пуговицами выделялись заклепки. У дальней стены высился штабель из ящиков, рядом стояли бочки. Боец подбежал к танку, стоявшему прямо перед воротами.

– Сюда, товарищ сержант! Полк на позиции выдвинулся, а про учроту забыли! Мы вчера к стрельбам готовились: бак залит и боеукладка есть.

– Что ж сам не выгнал?

– Не могу сдвинуть, – указал боец на двухсотлитровую бочку, рухнувшую набок и заблокировавшую корму. – Просил помочь – никто не остановился. Хотел своих позвать, так учроту первой разбомбили... Одни развалины.

Глаза паренька подозрительно заблестели.

– Но мы. – Он шмыгнул носом. – Все, кто уцелел... Под знаменем Ленина и Сталина... – Он сжал кулаки: – Они у нас кровавыми слезами!..

Понятно.

– Ладно, боец! Выдохни. Чем бочка не угодила?

– Так там же дырка!

– Что?

Паренек нырнул в дебри склада и вернулся с заводной ручкой – «кривым стартером». Ясно – не получается завести машинку.

– Вы, товарищ сержант, давно в учебке бывали?

– Давненько... Лом найдется?

Боец пожал плечами, я огляделся. Должен быть противопожарный щит... Вот он! Песок в ящике, багор, топор и то, что нам нужно, – лом!

– Навались!

Бочка стронулась с места и откатилась.

– Давайте внутрь, я заведу!

Интересное предложение. На верху башни торчала какая-то труба, закрытая округлым колпаком. Куда лезть?

На мое счастье, боец распахнул люк спереди танка. Он открывался, как ставни в окне: створка – вправо, створка – влево, третью подняли вверх и зафиксировали стопором. За стеной загрохотало – начался артобстрел. Дверь, обшитая железом изнутри, раскалилась. Пот лил градом.

Внутри танка было тесно и неудобно. Пока лез, приложился макушкой о казенник пушки, врезался локтем в какую-то железяку, зашипел от боли, ругнулся, но все ж заполз. Танк, как я понял, был двухместным. Водитель – впереди, а командир, он же стрелок и заряжающий, – в башне. Нашлось сиденье – маленькое и неудобное, присел. Спина уперлась во что-то твердое.

Мотор за спиной рыкнул и громко затарахтел. В люке появилась голова бойца. Бросив «кривой стартер» на пол танка, он плюхнулся в сиденье и взялся за рычаги.

– Поверните башню! – крикнул, перекрывая шум мотора. – Пушку повредим!

Логично. Пошарил рукой: маховичка для поворота не было. Не похоже, чтоб в этой клепаной колеснице имелся электромотор. Паренек оглянулся.

– Стопор снимите! – подсказал, указывая рукой. – И спиной! Упирайтесь и крутите!

Я последовал совету. Башня стронулась и повернулась. Тем временем мотор взревел, танк тронулся и, набрав скорость, вышиб ворота ангара. Я не видел этого, поскольку в тот момент сидел спиной к движению, но по грохоту упавшего железа догадался, что произошло. В смотровые щели хлынули лучики света, я развернул башню пушкой вперед и застопорил на погоне.

Танк отъехал метров сто и завернул за угол казармы. Дорогой я присматривался к манипуляциям бойца. Два рычага и педаль – проще не бывает. Синхронизаторов у коробки передач, ясен пень, нет. Чтобы воткнуть нужную, неопытный попотеет. Но опыт у меня как раз есть.

Громящая коробка остановилась. Приехали? Паренек полез наружу, я выскочил следом.

– Скорей! – крикнул боец, устремляясь к ангару.

– Стоять! – пришлось ловить за плечо. – Стоять, курсант! Ты чего? Куда?

– Там еще один! Еще танк! – Он попытался вырваться, но в этот момент пылающая крыша с грохотом обвалилась. Невольно вспомнился штабель у стены. Если там снаряды...

– Опоздали! – Он чуть не плакал.

Молодец паренек, настоящий танкист: о технике – в первую очередь!

– Будут еще танки. Едем!

– Отбросим врага, вернемся и откопаем нашу «эмэску»! Так ведь? – Он смотрел умоляюще. Я не стал возражать. Боевой дух – оружие победителя. Потрепал его по плечу:

– Вышлем агрессору – до Берлина лететь будет! Чихать и бздеть!

Паренек улыбнулся. Широко и по-детски.

– Давай в машину!

– Смотрите! – Он указал рукой.

От развалин к нам бежал человек. Я узнал незадачливого «летеху». Проблевался, герой...

– Скорей! – замахал рукой, боец присоединился. «Летеха», видимо, и сам сообразил. Делая огромные скачки, подлетел к нам. Лицо его было в потеках пота.

– Сюда!

«Летеха» запрыгнул на корму. Боец удивленно глянул на меня, дескать, куда ж ты командира загнал? Объясняться было некогда. Внутри места только для двоих, а лейтенант... Пусть протрясется, барышня! Медлить опасно. Или самолеты вернутся, или шальной снаряд приглубит. А уж если в ангаре – снаряды...

Мы с бойцом сиганули внутрь, танк взревел и рванул по полю. Взрыв догнал нас через минуту-другую. Даже сквозь рев мотора и лязг гусениц я расслышал, как позади ахнуло, а затем затрещало часто-часто – рвался мелкий калибр. Обломок пылающего стропила, отброшенный взрывом, упал впереди танка и был раздавлен гусеницей. Я глянул в смотровую щель в тыльной стороне башни. «Летеха» не пострадал. Он балансировал на корме, держась за башню, в смотровую щель виднелись пряжка ремня и штаны ниже пояса. Судя по состоянию штанов, взрыв обошелся без последствий.

Танк преодолел поле и замер у развилки. Механик заглушил мотор, высунулся:

– Куда теперь, товарищ лейтенант?

Ответа не последовало.

– Выйдем! – предложил я.

Мы выбрались наружу, ошалелый лейтенант с безумным взглядом спрыгнул с танка.

Паренек взглянул на меня, затем на лейтенанта, не зная, кому адресовать вопрос, стушевался и промолчал. Я достал папиросы. Пока танк прыгал по кочкам, я прошарил содержимое карманов и кое-что обнаружил. Лейтенанту понемногу возвращался румянец. Он выудил из предложенной мной коробки папиросу, боец покачал головой:

– Не курю!

– Правильно! Вдруг привыкнешь?

Пацан почувствовал в моих словах подвох и насупился. Нашел время обижаться! Чиркнул спичкой, прикурил сам и дал огоньку командиру. Лейтенант втянул дым и закашлялся. Поймав мой взгляд, сделал вид, будто мошку проглотил. Детский сад, блин!

– Так... Ладно... Война, мужики! – Надо было с чего-то начинать. – Что будем делать?

Паренек и я вдвоем посмотрели на лейтенанта, но тот упорно молчал. Пацан решился взять инициативу на себя:

– Танк заправлен, снаряды имеются! К учебным стрельбам готовили!

Выстрелы в боеукладке я разглядел. Считать их времени не было, но как минимум половинный комплект.

– Пулемета нет...

– Это ж новый МС-1! Который Т-18! – затараторил паренек. – «Сорокапятку» вместо тридцатисемимиллиметровки поставили, чтобы учить новой технике. С электроспуском! Вещь! Только вот башня маленькая, и пулемет не влез.

– Навоюем...

– Танк исправный! – насупился он. – Мотор – зверь! Сорок лошадиных сил!

Еще две добавить – и «Запорожец».

– Нам туда? – Боец указал в сторону, где грохотала канонада.

«Туда» мне не хотелось. Но при лейтенанте командовать было неправильно. Канонада затихала. Немцы прорвали оборону Красной Армии и выходят на оперативный простор – это к гадалке не ходи. Наше клепаное корыто сожгут на подходе: один, даже малокалиберный, снаряд... Помирать вторично и так скоро казалось глупо. Паренек же будто светился.

– Узнает враг, как земли наши топтать!

«Узри, вражина, силушку богатырскую!» – вспомнились слова из мультфильма. Из той, оставленной позади жизни...

– На восток пойдем! – вмешался лейтенант.

– Зачем?

– Там наши.

– А там? – указал я на запад.

Лейтенант смутился.

– Едем? – просветлел паренек.

– Дорогу знаешь?

– По следам гусениц пойдём!

Паренек нравился мне все больше.

– Как зовут, боец?

– Курсант Ясюченя! – вытянулся он.

– А по имени?

– Алексей!

– Молодец, Леша!

Он улыбнулся.

– Сержант Волков! – представился я. – Василий Кузьмич. – Так значилось в обнаруженном мной удостоверении.

Мы, не сговариваясь, посмотрели на лейтенанта. Тот замялся.

– Младший лейтенант Паляница, – пришел на помощь боец. – Вы у нас развод принимали!

– В кармашке посмотрите! – посоветовал я, указывая пальцем. – Я тоже не сразу вспомнил.

Лейтенант торопливо расстегнул пуговицу, достал удостоверение, вперился в него глазами. Как-то весь посерел и осунулся.

– Ефим Трофимович...

– Хорошее имя! – одобрил я. – Душевное.

Лейтенант покосился, но промолчал.

– По местам! – рявкнул я. Это было не по рангу, но канитель мне надоела. Воевать так воевать! Лейтенант послушно запрыгнул на танк, не выказав и тени недовольства. На его месте я бы не спустил. Странно...

Не успел я додумать эту мысль, как рядом с танком грохнуло. Взрывной волной снесло на землю лейтенанта, подбросило в воздух Ясюченю. Меня швырнуло на броню. На миг потемнело в глазах, во рту стало солоно от крови – губу прикусил. Я отдышался и пополз искать товарищей. Первым нашел Леху. Его затолкало под самые катки. Лицо курсанта было серым, глаза закрыты. На стриженном затылке подтекала красной струйкой свежая рана. Осколок... Или шальной снаряд, или мы долго стояли у развилки...

Я вытянул тело наружу. Послышался кашель и стон. Ко мне подполз лейтенант. Он не пострадал – только раскровянил раненную прежде руку. Вдвоем оттащили тело в сторону.

– В танк!

– А этот? – посеревший «летеха» не мог отвести взгляд от убитого.

– В танк, младший лейтенант Паляница!

Он дернулся, но полез. Я завел танк и забрался следом. Взялся за рычаги. Леша действовал так... Фрикцион отжался, передача со скрежетом, но включилась. Танк дернулся и пополз вперед. Я добавил газу: клепаная колесница побежала по грунтовке, попадая в след шедших ранее машин. Мысли о том, что вторым шансом «пожить» надо распорядиться с умом, исчезли. В груди медленно разгорался огонь, застилавший глаза лихим безумием. Слюна с кровью заполняла рот. Быстрее! Давить их, гадов, давить! В фарш, в костяную муку! Втоптать, чтоб мама родная не нашла! Здесь вам не тут, суки, здесь вам не Европа, и мужики тут злые...

* * *

Ильяс болтался в тесной башне танка и скрипел зубами от злости. За что?! Почему не нормальная смерть? Чем он провинился? Он пал, исполняя долг крови. Почему не райские кущи с гуриями? Зачем его отправили на войну, где стреляют, гибнут люди? Страна, бывшая чужой Ильясу, воюет с другой, еще более чужой, и от него требуют умирать! Еще раз! Аллах, за что?! Да, он не был ревностным правоверным, в мечеть ходил... не всегда, да и намаз творил от случая к случаю, случалось, что и выпивал... И вот... «Ефим»! Как будто издеваются... Ильяс с ненавистью посмотрел на свои руки. Грубые пальцы-обрубки, белесые волосы на тыльной стороне ладони. В той жизни у него были длинные, тонкие пальцы. За что?! Может, это испытание, ниспосланное Аллахом, дабы проверить его мужество и веру? Или бред умирающего ума, и все, что он видит, ему только кажется?

Он провел ладонью по лицу, вытирая пот. Надо что-то сделать. Ущипнул себя. Больно! Попробовал спеть песенку. Колыбельную песенку про козлика и волков. Одними губами, чтобы не выдать себя попутчику. Слова родного языка выходили коряво, он не мог их правильно выговаривать. Тело будто сопротивлялось желаниям нового обладателя.

«Кисмет!» – как сказал бы отец, судьба. Старик в нее верил. Однако за свою короткую жизнь Ильяс усвоил точно: человек сам выбирает свои пути. Есть законы, есть понятия, есть привычки, но судьбу, ее повороты, мы избираем сами. Ты, если захочешь, можешь идти туда, куда нужно тебе и только тебе, наплевав на то, что требуют окружающие. Он не сумел отказать от навязанной мести кровнику (а следовало!), и вот он – результат! Может, это кара за то, что слаб духом оказался?

Танк мотнуло на повороте, Ильяс приложился локтем о какую-то выступавшую внутрь железяку – руку словно из пистолета прострелило, и сердито зашипел. В следующий миг танк ухнул в яму, Ильяса подбросило, и он стукнулся макушкой о верх башни. Из глаз брызнули искры. Аллах милостивый, за что?

– Ты там не заснул, лейтенант? Немцев не видно?

Ильяс с ненавистью глянул на затылок рыжего. Сержант, а ведет себя, как генерал какой-то. Ильяс, пусть не в своем теле, но все-таки офицер. Хотелось осадить, но... Он вспомнил трупы у ног, смерть паренька-курсанта. Одному здесь не выжить. Все чужое, все!

Он посмотрел в щель.

– Нет! Никого нет!

Сержант что-то буркнул, Ильяс продолжил наблюдать. Впереди, утопая в садах, зеленел хутор. Дом, пара сараев, сеновал тянулись вдоль проселочной дороги. Справа на небольшом холме расположился двор фермы, высилось длинное здание коровника или конюшни. Слева и далее простиралось поле. За ним, примерно в километре, виднелись заросли кустарника. Ильяс всмотрелся в дорогу, уходящую вдаль. Она ныряла вниз и терялась в густых зарослях. Наверняка водоем... Точно, вот и блики от воды. Длинный болотистый пруд упирался в песчаную насыпь, разбитую техникой. Дорожка перебегала насыпь и уходила в лес, поворачивая в обход холма. За холмом, судя по канонаде, шел бой.

Танк доехал до первого плетня, увитого зеленью, и остановился.

Авианалет не пощадил этот клочок земли. Все здания зияли разрушенными крышами, над сеновалом подымался дым. Обитатели или убежали в лес, или остались погребены под завалами.

– Лейтенант, ты из пушки стрелять умеешь? – обернулся сержант.

– Почему вы ко мне на «ты» обращаетесь?! – вспыхнул Ильяс. Пора поставить наглеца на место!

Рыжий недобро зыркнул глазами:

– Виноват... Товарищ младший лейтенант, вы хорошо знаете этот вид орудия?

– Я... по другой части, – увял Ильяс.

Сержант вздохнул, втиснулся в узкое пространство башни и стал объяснять. Каким маховиком поднимать ствол, как двигать башню в стороны. Как наводить и заряжать. Ильяс кивал, думая, что сбежит при первой же возможности. Бросит танк, сержанта, эту чертову войну... В голове крутились обрывки знаний об этом времени. Чем он здесь сумеет пригодиться, какие знания, полученные в институте, можно применить? Системы автоматического бурения? Рано. Практика разработки месторождений? Теплее. Аппараты глубокого бурения? Пожалуй, можно. Что еще?

– Вы слушаете, товарищ младший лейтенант? – прервал его размышления грубый окрик. – Вид у вас отсутствующий.

– Куда целить и где снаряды лежат, разберусь! – отрезал Ильяс.

Хотелось добавить на родном наречии. Чтобы от души. А лучше – дать в морду нахалу! Но он сдержался. Понять – не поймут, а вопросы появятся. Рыжий тоже не мальчик, за ответом не постоит, значит, придется разойтись. Воевать рядом уже не получится. Что ему делать, одному, в чистом поле, да еще и в ожидании бундесов?

Сержант пожал плечами.

– Раз так, то минуту на перекур, и двигаем за холм. Там бой.

Может, сбежать сейчас? Двинуть рыжего по башке и уйти? Подальше от этого ада? Затеряться в новом мире?

Подумав, Ильяс отверг соблазнительную мысль. До родных мест путь не близкий, и любой патруль, любой заслон ФСБ («НКВД!» – поправился он) возьмет его в оборот – ни знаний местных реалий, ни имен, ни уклада жизни. Любой бытовой казус – и вот он, «японо-немецкий шпион».

Тянуло курить, но с этим наблюдалась засада. Его предшественник в теле, по-видимому, был равнодушен к табаку. В карманах не нашлось ни спичек, ни папирос, ни махорки. Да и легкие при первой затяжке зашлись кашлем. Поэтому предложение сержанта подышать он с сожалением отверг и занялся изучением пушки. Сбежать он все равно сбежит, но если свалятся немцы, надо стрелять. Плохое дело – гибнуть в первом же бою.

Ильяс принял к окуляру, всматриваясь в густые заросли кустарника. Ему кажется или ветки колышались? Точно! Едет кто-то или что-то.

– Сержант! Эй! Там!

Рыжий уже и сам заметил. Бросил окурок и запрыгнул в люк.

– Пустите-ка меня к орудью, товарищ лейтенант!

Это была не просьба – приказ.

Ильяс посторонился и шмыгнул на водительское место. Спорить глупо. Волков (или как его там?) принял к окуляру, уперся спиной, закрутил башню.

– Идут... Один, два... пять танков. И грузовик с пехотой. Вроде «35-ки» – легкие, броня клепаная и откатник над стволом. У двух последних на прицепе пушки. В тыл к нашим прут, сволочи!

– Прямо к нам?

– Стороной... К дороге и на насыпь. Там, наверное, брод или мост.

Ильяс выдохнул. Хорошо, что мимо. Сад густой, танк маленький, не заметят. Как немцы скроются, стоит поговорить с рыжим об отступлении на восток. Как помнил Ильяс, приграничные силы в этой войне долго не выстоят, они или в плену, или на том свете окажутся. Перспектива нерадостная, Аллах свидетель.

Пушка над головой вздрогнула, грохот выстрела ударил по ушам. От кислого дыма, наполнившего танк, запершило в горле. Уши заложило, Ильяс не слышал, как гильза, вылетевшая из казенника, зазвенела по полу.

Звук окружающего мира вернулся так же внезапно, как и исчез. Сержант что-то радостно орал.

– Да ты!.. – вскинулся Ильяс. – Оху... Охренел?

Рыжий ослабился.

– Попал! Точно под кормовой бронелист! Горит, сука! Это тебе не Франция!

– Зачем стрелял?!

Сержант, всадивший новый снаряд в пушку, не ответил. Приник к окуляру, замер. Новый выстрел уже не показался Ильясу громким. Только после этого сержант ответил на вопрос. Промычал, скользнув на место мехвода:

– Потому что война! Меняемся местами, лейтенант!

Двигатель взревел. МС-1 дернулся и сдал назад, уходя за дом. Почти сразу же на месте, где они стояли, вспух взрыв. Комья земли и ошметки плетня ударили по броне.

– Не зевай!

Ильяс скользнул в башню, повернул ее и стал осматриваться.

Немцев перед ними не было. Одинокий подбитый танк, пылающий разорванным боком, раскуроченный грузовик, из которого выпрыгивали фигурки в сером, заваленная набок мелкая пушчонка – вот и все, что видел Ильяс. Остальные танки, прибавив скорость, завернули влево, обходя хутор. «Если ворвутся сюда, будет совсем плохо». Ильяс закрутил маховик пушки.

– Заряди сначала!

Ах да!

Он выхватил из боеукладки снаряд и бросил в ствол. Казенник закрылся автоматически. Приник к окуляру.

– Где они?

Рыжий снизу что-то насвистывал. Вагнера? Точно – «Полет валькирий»!

– Где ОНИ?!!

– Сейчас подам вперед, высунемся. Пушку сейчас поверни и приготовься. На выстрел будет пара секунд, пока немцы не очухались. Постарайся не промахнуться.

Движок взревел. Танк чуть клюнул носом и поехал.

– Справа на два часа!

– Какие «часы»?

– Там!

Ага, вот! В окуляре пляшут вытянувшиеся линией силуэты танков. Они уже метрах в двухстах. Ильяс покрутил башню, подгоняя целик к крайнему правому.

– Быстрее! Не забудь упреждение взять!

Один из танков притормозил и жажнул огнем. Ильяс дернулся. Пушка вильнула.

– Не бзди, лейтенант. Наугад палят!

Будто опровергая слова сержанта, крайний танк противника притормозил и повел стволом. Выстрел! Рядом с «МС» вспух фонтан. По броне застучали комья земли.

– Быстрее!

Ильяс нажал кнопку. Мимо!

Сержант чуть слышно ругнулся. Танк завыл движком, отходя за дом.

Ильяс торопливо заряжал.

– Дай мне еще раз!

– Не кипиши, лейтенант! Меняем дислокацию.

В перископ Ильяс увидел, как стал разлетаться от разрывов снарядов дом. Вовремя они ушли.

Двигаясь задним ходом, танк отъехал в сад и завернул за дальний сарай. Слегка подался вперед, вползая в заросли сирени. Большая часть корпуса оказалась прикрыта зданием, а башню маскировали кусты. Но и обзор ухудшился: Ильяс не видел врага.

– Жди! – успокоил сержант. – У тебя будет выстрел. Скорее всего, один.

Сержант не лез меняться с ним местами. «Понимает, что уходить надо быстро», – догадался Ильяс. Он стал вспоминать местность. Куда они отступят? Задом сдавать, так там – чистое поле. Пока доберутся до балки, идущей вдоль пруда-озерца, из них решето сделают. Если тут останутся, то много ли навоюют? Одни против четырех танков? «У немцев еще пушка!» – вспомнил Ильяс.

Он навел ствол на дорогу, обходящую дом. Фашисты не спешили. Неужели решили пройти справа?

Он стал разворачивать башню, как сержант зашипел:

– Жди! Не дергайся. Хорошо стоим.

Внезапно часть дома обвалилась, из пыли и обломков вынырнула тупая башня. Ильяс, повернув башню, загнал целик точно под нее и нажал кнопку на маховичке. Выстрел! Вражеский первопроходец будто споткнулся и ткнул стволом землю.

– Попал! Мама дорогая! – зарычал Ильяс и добавил что-то на родном языке, как грубая рука схватила его за отворот гимнастерки и рванула вниз. Распахнулся люк, и они вылетели наружу.

– Зачем?..

За спиной жажнуло, горячая волна обдала затылок, толкнула вперед. Грохот обрушился на барабанные перепонки. Он оглянулся. Еще выстрел. МС дернулся, проворачиваясь вокруг оси, и задымил.

– Сзади обошли. – Сержант пихал его, пролезая сквозь заросли малинника. – Я мельком заметил. За дом, там попробуем...

Что он собирался сделать, Ильяс так и не выяснил. Из-за здания коровника на холме загрохотали выстрелы. Спустя несколько мгновений оттуда показалась четверка высоких быстрых танков со звездами на башнях. Танки разворачивались в линию.

Немцы отступали. Из троицы, зашедшей им в тыл, один уже дымил. Второй, потеряв гусеницу, крутился на месте.

– А где их пушка?

Выстрел за спиной. Вот и она. Один из советских танков дернулся, но не остановился. Два из четверки развернулись к врагу и помчались, поливая поле перед собой из пулеметов. Два продолжили атаковать последнего из фашистов. Тот тоже выстрелил, промазал... и получил два снаряда в лоб. Еще выстрел, и крутящийся на месте танк вспух взрывом.

– Боеукладка, – зашипел рядом сержант. – Молодцы «бэтэшки»!

Пушка выстрелила еще раз и снова попала. Один из БТ-2 вильнул в сторону, теряя гусеницу. Второй ускорился и с лету прошелся по маленькой пушчонке. Расчет попытался убежать, но не успел. Немецкая пехота у леса, увидев судьбу артиллерии, бросилась в заросли.

– Вот и все!

Над полем боя вился дым от горящей техники, но выстрелы и крики прекратились. Выжившие экипажи подбитых немецких танков и остатки десанта или зализывали раны, или уползали в сторону леса. Раздавившая артиллеристов «бэтэшка» вернулась к подбитому товарищу, охраняя кипучую работу по восстановлению ходовой. Вторая пара «БТ» двинулась к застывшему «МС».

– Думаю, стоит поздороваться! – ухмыльнулся сержант.

Ильяса била запоздалая дрожь.

Глава 3

Олег

Знакомство вышло горячим. Из люка «БТ», притормозившего у хутора, выскочил танкист в комбинезоне. Я не успел сообразить, как он облапил моего незадачливого спутника.

– Фима! Живой!

Паляница выглядел ошарашенно: столь бурное проявление симпатии озадачило его не меньше меня. Он морщился и кривился. Танкист, словно почувствовав, отпустил Ефима и отступил на шаг. Теперь я сумел его разглядеть. На черных петлицах в треугольнике расстегнутого комбинезона по два кубика. Лейтенант... Лицо молодое: или учился вместе с Паляницей, или служил. Скорее всего, учился, послужили они немного.

– Шли мимо вашего полка! – частил лейтенант. – Одни развалины, все горит. Думал, погиб, а ты здесь воюешь. Двух немцев подбил!

– Одного, – уточнил «летеха». – Второго – он. – Паляница указал на меня.

– Сержант Волков! – Я воспользовался случаем.

– Лейтенант Анисимов, учебный взвод! – представился он. – Хорошо стреляете, товарищ сержант.

– Вы тоже неплохо.

– Снаряды кончились, – вздохнул он. – По три выстрела на орудие было...

«На пушку шли с пулеметами», – вспомнил я. Отчаянные здесь парни: с тремя снарядами в бой. Погибший Леша-курсант рвался бить вермахт на клепаной жестянке... Немцы этого в расчет не берут. У них орднунг: наступление превосходящими силами, в случае ожесточенного сопротивления – отход и перегруппировка, война от рассвета до заката, обед по расписанию, ночью – отдых. Мы вас, суки, научим...

– Были танки пушечные, стали пулеметные. – Улыбка Анисимова вышла горькой.

Я глянул на БТ-2, стоявший рядом. Клепаная броня, пулемет с орудием не спарен, торчит в сторону.

– Пушка – 37 миллиметров?

– Она, – подтвердил Анисимов.

Я напряг память. В одной из книг, присланных в колонию, про эту пушку что-то было. Та-ак... Была надежной, но не удовлетворила военных из-за слабого действия осколочного снаряда. Заряд взрывчатого вещества – слишком маленький, потому перешли на калибр 45. Ага!

– Конструкция пушки немецкая, – сказал я уверенно. – У них, – кивнул я на подбитый танк, – точно такие.

На лице лейтенанта мелькнуло удивление.

– Там, – указал на раздавленную пушку, – тоже.

Удивление переросло в радостное изумление.

– Выстрелы подойдут? Точно?

– Одинаковые, – сказал я и добавил мысленно: «Немецкие даже лучше. За счет лучшего качества снаряда и начинки». О последнем, впрочем, промолчал.

– Киреев! – Лейтенант повернулся к подошедшему механику. – Слышал? Организуй сбор трофеев!

Механик козырнул и побежал исполнять.

– Разрешите и мне?

Лейтенант кивнул. Пока он не передумал, двинулся к раздавленной пушке. Снаряды меня не волновали – танкисты подберут. Собирать их после того, как здесь прошел танк... Есть

лучшие места. У нас с «летехой» даже ножей нет. Личное оружие никому не мешало, выдавать нам его не собирались. Добудем сами.

Ситуация оказалась хуже, чем казалось со стороны. «Бэтэшка» проутюжила расчет на совесть: вдавленные в землю кровавые ошметки, оторванные траками головы, руки и ноги. Винтовки, ящики – все изломано в щепы. Рыться в этом фарше не было ни смысла, ни желания. Я отошел и осмотрелся. На траве, слегка испачканный в грязи, лежал карабин – стандартный немецкий «Маузер». Плечевой ремень у карабина отсутствовал. Все ясно. Гусеница ударила немца в бок, повалила, вмяла в землю, зацепив ремень траком. Антабки оборвались, карабин отлетел в сторону. Я отер рукавом приставшую к оружию грязь. Стрелять можно. В танке с карабином неловко, да и патроны только те, что в обойме, но все же... Хотя... Если поискать... Снова подошел к месиву из человеческого мяса, грязи и деревянной щепы. Выковырял немецкий штык. Еще б патронов, но рыться в кишках не хотелось.

Перекинув флажок предохранителя, привычно загнал патрон в ствол. У зампотеха полка был такой «98к» – на кабанов с ним ходили. Валил секача с одной пули...

На поле дымил подбитый мной танк. У второго, заваленного Ефимом, люки задраены. Экипаж или погиб, или затаился – выковыривать долго. Я ступил в рожь и побрел к чадающему немцу. Хлеб в этом году вызрел на славу: колосья доставали мне до пояса, идти было трудно. Пропадет хлебушек... Пока пробирался, немец и чадить перестал – выгорел. Рожь огонь не затронул – зеленая. Что тут у нас? Pz t 35 (t), изделие братьев-славян из Чехии. Хорошо делали, братья, на совесть. Краска на корпусе и башне пошла пузырями: боеукладка наверняка сдетонировала, но броня устояла. В 1968-м отпрыски этих мастеров будут стрелять в наших ребят, объясняя миру, что борются с «империей зла». А Гитлер, значит, вам друг...

Противотанковая пушка лежала за танком вверх колесами, уткнувшись стволом в землю. Расчет не стал принимать бой и сбежал. Ящики со снарядами рассыпаны по сторонам. Вот и замечательно, не нужно из земли выковыривать. Нагнулся и краем глаза заметил, как что-то шевельнулось во ржи. Как дикая свинья перед скрадом.

– Встать! Хенде хох!

В хлебах замерли. Поздно...

Бах!

Пуля прошла поверх колосьев. Затвор выбросил гильзу и дослал в казенник патрон.

– Встать, я сказал!

Рожь зашевелилась, над колосьями возникла человеческая фигура с поднятыми руками.

– Ком цу мир!

Немец подчинился. Пока он ковылял, я рассмотрел его. Черный мундир, на голове какой-то дурацкий берет черного цвета. Пехота такое не носит – танкист... Успел выскочить, сука! На кожаном поясе – большая кобура. Отчего ж не стрелял? Я присмотрелся. Ага! Правая кисть черная и распухла – ожог.левой затвор не передернуть. Немец, впрочем, пытался – крышка кобуры отстегнута. К тому же хромает, иначе б сбежал. Ничего, у меня потопает...

Шагнул вперед и, переложив карабин в левую руку, залез немцу в кобуру. Он стоял смирно. Пистолет оказался большой и тяжелый – «парабеллум». Вот это добыча! Немец смотрел волком. Я сунул пистолет за пояс. Запасная обойма – в карман!

– Ком, тварь!

Пленный заковылял к хутору. Руки он по-прежнему держал поднятыми, хотя нужды в том не было. Как сказать, чтоб опустил лапы, я не знал: познания в немецком кончились. Ну и ладно!

Выстрел привлек внимание. Лейтенанты, торя дорогу в хлебах, бежали навстречу. Анимов сжимал в руке «наган». Встретились мы на половине пути. Лейтенанты встали, во все глаза разглядывая пленного. Еще бы! Им внове, да и мне тоже. Я обошел немца, встал рядом с командирами.

– Имя? Звание? Воинская часть? – Анисимов нашелся первым. – И пусть руки опустит. Немец не ответил: по-русски он явно не понимал. Анисимов посмотрел на меня, затем на Паляницу, и тот, запинаясь, перевел. Молодец «летеха»! Немец опустил руки и что-то яростно забубнил.

– Он не будет отвечать на вопросы, – озвучил Паляница.

Анисимов нахмурился. Ах, так! У нас гордый сын Алып, потомок Зигфрида и Брунгильды! Я перехватил «маузер» и двинул фашиста прикладом в живот. Тот охнул и согнулся.

– Товарищ сержант! – Анисимов побагровел.

Ну да. Пленных бить нельзя, они же пролетариат, воевать пошли подневольно. Сейчас мы им прочитаем лекцию, и «гансы» повернут оружие против шайки Гитлера – Геббельса. Даже у хороших людей случаются загибы в мозгах. Было такое в начале войны, читал, это позже сообразили...

– Разрешите провести допрос, товарищ лейтенант?

– Куда лезешь, сержант?! – рыкнул Анисимов.

– Обладаю опытом допроса пленных в полевых условиях. Результат гарантирую.

Вытянулся, ем глазами начальство. Вид принял придурковато-исполнительный. Анисимов смерил меня пристальным взглядом.

– Опыт, говоришь?

– Так точно.

Он еще больше нахмурился.

– Приходилось заниматься, товарищ лейтенант!

Немец хмыкнул и что-то пробормотал. Паляница не озвучил – наверняка гадость.

– Разрешите?

Анисимов посмотрел на Паляницу, затем – на копошащихся около разбитой пушки танкистов. Время таяло.

– Добро. Действуйте, товарищ сержант! Расспросите подробно. Откуда, сколько их, какие планы – все узнать.

Он побежал в сторону раскрытых ящиков – делить боекомплект между экипажами.

Я прислонил карабин к ноге, вытащил штык и улыбнулся немцу. Всеми зубами. Здравствуй, гость дорогой, залетный! Мы, монголы, народ дикий. Партайгеноссе Геббельс вам это объяснял? Разумеется! Геббельсу надо верить. Мы режем людей и живьем сдираем с них кожу. Монголам это доставляет неизъяснимое удовольствие. Мы делаем это с песней. «Я вчера тебе принес не букет из пышных роз, не тюльпаны и не лилии...»

Немец выпрямился и заорал.

– Утерменши! – переводил «летеха». – Жить вам осталось не больше часа. Сюда мчится танковая рота: ей сообщили по радио о нападении русских. Камрады знают, сколько нас. Если окажем сопротивление, всех расстреляют, даже тех, кто выживет. У них приказ: фанатиков не щадить. У нас единственный шанс – сдаться. Он поможет. Надо выстроить танки вдоль дороги и вывесить белые флаги. Обещает, что к нам отнесутся гуманно. Ко всем, кроме этого!

Обожженная клешня немца указала на меня. Блеклые глаза горели ненавистью. Фашист! Этот будет убивать: стрелять, жечь, давить гусеницами... Позволить ему это? Счас! Я вскинул «маузер».

– Хайль Гитлер! – Немец выбросил вперед горелую клешню.

– Сержант!

Приклад «маузера» толкнул в плечо. Немец рухнул лицом вниз, прямо в стоптанную рожь. Жри, сука, землю! За этим шел?

– Ты что творишь? Да я на тебя рапорт подам! – Подбежавший на звук выстрела Анисимов хватался за кобуру.

– Хоть два! Если выживете, товарищ лейтенант!

Он умолк, посмотрел на мертвого фашиста, на меня. Повернулся к Палянице:

– Что немец сказал?

Тот в двух словах обрисовал перспективы.

– Сюда идет вся их рота, – добавил я. – Еще пятнадцать танков, кроме тех, что мы сожгли, возможно, артиллерия с пехотой! Они быстро и качественно сделают нам больно.

– Предлагаешь драпать? – окрылся Анисимов.

– Можно и остаться. Только не идти на них в лоб, как вы только что. Это верная смерть.

– На войне умирают. Не знал? – лейтенант повернулся к Палянице.

Сержант более не интересовал командиров. Он, то есть я, – нарушитель устава и трус. Сейчас стратеги выберут план. Накосячат по самое не могу: с именем Ленина – Сталина вперед на врага! Тот только и ждет.

– Разрешите?

Он нехотя кивнул.

– Смотрите. – Я указал на запад. – Они придут оттуда, другой дороги нет. Будут двигаться колонной, у них так в уставах написано. Впереди разведка на мотоциклах. Заметят нас, развернутся и дадут прикурить из пятнадцати стволов. Пара минут – и все горят. Нужно сосредоточить и замаскировать «БТ», а разведку немцев пропустить. Как подойдут танки, бить их в борта, причем с близкого расстояния. Пока сообразят, развернутся и ответят, с десяток сожжем. Особенно если не стоять, а менять позиции. Дальше – как карта ляжет.

«Дальше нам писец! – подумал я. – Но хоть потанцуем...»

Анисимов подумал и достал папиросы. Мы закурили. Паляница покосился, но не попросил. Правильно! Тебе вредно.

– Что, Ефим, думаешь?

Паляница пожал плечами. Анисимов чесал вспотевшую на июньском солнышке шею.

– Где воевал, сержант?

– В Испании.

В глазах его плеснулось уважение.

– Чем командовал?

– Ротой.

Он недоуменно глянул на мои петлицы.

– Водка и бабы довели до цугундера! Разжаловали, лишили наград...

Последние слова я произнес искренне, так что он поверил.

– У меня некомплект в экипажах. – Он бросил окурок. – По одному человеку в башне. Даю вам танк и механика.

– Хорошего?

– Самого лучшего! После моего... Не подведи, Волков! Удачи вам, Ефим!

– Урою гадов! – пообещал я.

Ефим что-то промышчал.

– Немца убивать все же не следовало. – Анисимов с сожалением посмотрел на труп.

– Куда с ним? Фашист! Что от него требовалось, сказал.

– Вдруг из рабочих?

– Тогда кричал бы: «Рот фронт!»

– И то верно...

* * *

Ильяс

Рыжий сержант мне нравился все меньше и меньше. Замашки – как у палача. Сдавшегося немца застрелил, будто тот не человек, а собака. Хорошо хоть горло не перерезал, как барашку. С этого станется...

Еще и друг нарисовался. У этого «Ефима» активная жизнь была. Ладно, сейчас, в горячке, не лезет по душам и интересам потрепаться. А в передышке? Что мне с ним обсуждать? Истории из школы? Девочек, как их там, комсомолок? Или фильм «Волга-Волга»?

Я вздохнул, погладил ноющую руку.

Хорошо бы, чтоб все кончилось. Раз – и дома. Или хотя бы в своем времени. Или в раю?.. Нет. Даже дрожь по телу прошла. Умирать снова не хотелось.

Чтобы жить, надо думать. В первую очередь – как свалить отсюда. Только вряд ли выйдет. Придется воевать и надеяться, что снова пронесет.

Осмотрелся.

В танке тесно. Маленькие круглые сиденья, обитые дерматином, узкая полоска дермантина по краю погона – спинка. Вдвоем в башне не повернуться, особенно когда второй – здоровяк-рыжий. Вот он, у траков, треплется с «мехводом». Механика зовут Николай, фамилия Климович. Невысокий, с широким крестьянским лицом. На гения-механика не похож, но сержанту понравился. Ручки, рычаги полчаса перебирали, обсуждали, даже ржали порой. Сидят теперь в теньке за гусеницей, а ему, командиру, надо в люке торчать, ждать сигнала в атаку. Броня под солнцем раскалилась, душно. Одежда промокла от пота.

Я глянул на флажки, которые мехвод вытащил из танка и вручил мне. На фиг они? Комаров гонять? И ведь не спросишь – сам знать должен. Приходится молчать и ждать с умным видом.

Отдыхаем почти час. Выпотрошили подбитые танки, снаряды поделили между экипажами. После чего отъехали в кусты за фермой, нарубили веток и старательно завалили машины. Сержант присоветовал. Вовремя! Через десять минут над дорогой прошли самолеты, немецкие. Рыжий их обозвал «штуками». Сказал, что пикировщики. Нас «штуки» не заметили.

Теперь ждем танки.

Анисимов с остальными «БТ» расположился неподалеку. Всем приказали разметить по паре мест, откуда стрелять удобнее. Сержант заставил накатать дорожку в небольшую балку, из которой в сторону дороги только башня и торчит. Он эту могилу даже назвал как-то. Ага, «капонир»!

Я хлопнул комара на щеке, потянулся. Жрать хочется до рези в животе. Еды ни у кого нет – выяснял. Возможно, в хуторе было, но дом раздавил немецкий танк. Тоска! Заглянул в башню – железный гроб! Масса острых железяк, торчащих внутрь, о которые постоянно бьешься. Казенник пушки, кассеты для пулеметных дисков, приклад пулемета, ручки маховичков... Все тело в синяках, и шишка на голове – вот она! Для кого этот танк делали? Это машина или пыточная камера? А вооружение? Пулемет рядом с пушкой, но торчит вправо, а сама пушка с большим прикладом и прицел сверху, как у «снайперки». Интересно, отдача у нее сильная? Сержант показал мне, как ее заряжать. Совсем не считается со званием! Подумаешь, командовал ротой! А сейчас кто?

Кажется или вдали застрекотал мотоцикл? Едут? Сержант и мехвод насторожились и нырнули в танк.

Невидимые мотоциклы приблизились, замерли, видимо, осматриваясь. И погнали вправо, в сторону переправы. От наших танков замахали флажками. Что за хрень?

Климович крикнул из чрева танка:

– Заводить движок?

– Погоди!

Лучше опоздать, чем лезть впереди. Зарычали моторы танков Анисимова.

– Заводи!

Стартер застрекотал, мотор подхватил. Климович поддал газу.

Соседи ломанулись к местам засады. Анисимов семафорил что-то своими тряпками на палках.

– Выдвигаемся!

Танк дернулся и пополз на точку «раз». Встали, ждем. Климович танк не глушит, хотя у остальных вроде дым уже не идет. Прислушался. Точно. Заглушили.

– Выключайся!

– А?

– Глуши, говорю!

Мотор рыкнул и затих.

Сержант в который раз перебирал снаряды, насвистывая что-то неуловимо знакомое. Я обомлел. Ослиный хрен ему в зад!!! Это ж «Убили негра»! «Ай-я-яй, убили негра. Убили негра, убили». Это он про застреленного немца? Мелодия, выходит, древняя? Или как?

Спросить рыжего некогда. Вдали загудели моторы.

Анисимов снова флажками машет. Я ему просто кивнул и рукой показал. Хорошо, мол. Все в порядке! А сам на соседей пялюсь. Что делать будут?

Так, завели движки. Но вперед не лезут. Видимо, ждут сигнала.

– Заводи!

Мотор обиженно чихнул и загудел. Ждем. Рядом вылез рыжий. Он будет наводить и стрелять, ему в башне надо. Нет же! Видимо, любопытство разобрало. Даже не спросил разрешения. Хорошо бы отчитать, но... не с руки как-то. Я повернулся к полю.

Вот и немцы. Впереди парочка легких коробочек с тонкими пушками на левой стороне, дальше еще три таких же. Итого – пять. Потом еще четыре танка. Эти – знакомые «тридцать-пятки», как рыжий их обозвал, с нормальными орудиями... Итого – девять штук. В принципе, если повезет...

– Спереди «двойки». У них пушки 20 мм, но автоматические. Лупят – что пулемет, – информирует рыжий.

Откуда такие умные сержанты в бронетанковых войсках? Сглотнул слюну пересохшим ртом. Жрать хочется, а еще и пить приперло!

Следом за первыми девятью на поле выкатили еще пять танков. Такие же коробчонки, как и первые, но всего их – четырнадцать! Против нас четырех. К тому же последние танки на прицепе пушки тянут!

– Плохо дело. Все сразу, – резюмирует рыжий.

– Да это не плохо! Это – писец! Сваливаем! – кричу я. – Их в три раза больше! Нас в землю затопчут!

Рыжий как-то странно посмотрел и смачно плюнул с башни.

– Не бзди, лейтенант! Не таких зверей нагибали.

«Нагибали»? Это язык сорок первого года?

Времени поговорить с сержантом не осталось. Первые танки немецкой роты втянулись на дорогу перед фермой и катили к переправе. Еще минута – и уйдут на ту сторону.

Анисимов замахал флажком, нырнул внутрь и захлопнул люк.

Сержант тоже исчез.

Я чуть задержался, пытаюсь закрыть крышку люка.

– Не парься, лейтенант. Лучше проложи ее ремнем или лопаткой и не захлопывай. Чтоб свалить успели, если подожгут.

Рыжий уже ворочал «прикладом». Я послушно подхватил протянутую лопату и всадил ее между люком и башней.

Грохнула пушка танка Анисимова. Первый из немцев вспух и брызнул в стороны осколками. Как будто на мину налетел.

Грохнули пушки остальных. Выстрелил и рыжий.

Попали все. Не так удачно, как командир, но с пользой. Одна из «двоек» закрутилась на месте, теряя гусеницу, у второй клюнула пушка, наша цель задымила бортом.

– Кого следующего? – заорал сержант.

Мне, что ли?

– Цель?!

Назвать, видимо, в кого стрелять.

– Крайнего левого!

Уже сворачивали с дороги угловатые «тридцатьпятки». Пулеметы их строчили в кусты, а пушки смещались в сторону засады.

– Как выстрелю, сдавай назад, Коля, и дуй на вторую лежку!

Пушка грохнула, посылая снаряд. Крайняя «тридцатьпятка» дернулась и вильнула в сторону.

– Пошли!

Танк подал назад, уходя вниз по балке. Заросли в месте, где только что была наша башня, будто топор рубанул. Вспух взрыв, обрушивая на броню комья земли и веток.

– Осколочным бьют, бестолочи! Думают, батарея.

Мы влетели во второй капонир. Рыжий скалится в ухмылке, упершись плечом в приклад.

– Н-на!

Снова попали! Одна из «двоек», потерявшая гусеницу и яростно молотившая по кустам из автоматической пушечки, вспыхнула. Из открытого люка полезли танкисты.

– Не спи, лейтенант! Вали гадов!

Пулемет! К скрежету поворачиваемой пушки и реву движка добавился грохот моего пулемета. Очередь пошла низко, с большим недобором.

– Назад сдавай! – орет рыжий.

Мехвод послушно отводит танк. И снова капонир вспухает взрывами. Уже не одним – двумя сразу!

– На первый дуй!

Снова высовываемся. Стреляем.

Аллах, это страшно, когда по тебе стреляют из танков! Кажется, что все, что выпущено из них, летит прямо в лицо.

Мы снова попали. Добили «раненую» «тридцатьпятку» – и снова назад.

Вокруг только взрывы. Мы – последние из «наших»?

Часто-часто стучат автоматические пушки, прошивая кусты над насыпью. Бьют вслепую – нас боятся.

– Давай вперед, вдоль балки, – орет мехводу рыжий. – Выскочим справа. Заодно посмотрим, может, кто еще живой!

Посмотрели... Кроме нас, выживших не осталось. Три дымящихся остова чадили в кустах! Сержант скрежетал зубами, я высматриваю спасшихся. Никого? Никого...

БТ-2 – быстрая машинка. Прошли по кустам, как бульдозер. Нас с дороги не видно, сюрприз немцам может выйти.

Посмотрел на рыжего. Того не узнать: то набычится, то крутится волчком, глаза горят, ладони на маховичках поворота так и мелькают, орет. В родную стихию попал, другой человек совсем. Адреналин его, что ли, захлестывает? В кайф человеку воевать! Удивительно, но это, похоже, заразно. Меня тоже трясет. Ушло желание все бросить и забиться под сиденье или открыть люк и сбежать. Хотелось к орудию. Чтоб стрелять и попадать, отсыпая свинцовые и металлические подарочки гостям. Свистеть, как рыжий, я не умел. Пальцами выбил на прикладе пулемета «салам далла» и даже что-то радостно заорал в ответ сержанту, когда наш БТ-2 вывалился из леса и врезался в замершую у кустов «двойку». Таран не получился. Удар-то

произошел, но раздавить немцев не удалось. Мы отскочили, сержант опустил ствол и дважды в упор выстрелил в башню немца. Если там остались живые после первого выстрела, то вторым снарядом их размазало по стенкам.

– Отходим!

Танк послушно взревел.

И тут выключили свет.

* * *

Олег

Первой в нас засадила «тридцатьпятка». Повезло – в корму. От удара «бэтэшка» содрогнулась, лопата выскочила из-под люка, крышкой приложило «летеху» по голове. Он как раз приподнялся. Лейтенант сполз в башню, но я подхватил и выкинул наружу. Сообразивший Коля выскочил из танка и помог оттащить Паляницу в сторону. Вовремя: по «БТ» стали садить «двадцатимиллиметровки». Тяжелые пули прошивали броню, как бумагу. А чего ее прошивать? 15 миллиметров для такой пушки как бумага. А говорят, первыми камикадзе были японцы...

Мы оттащили «летеху» в кусты, здесь он пришел в себя. Вовремя. Затаились. Кустарник вокруг фермы богатый, но мы его изрядно вытоптали. «Бэтэшка» наша горит, что немцы? Заметили нас или нет? Если да, то жить нам недолго.

Пулеметная очередь пропела над головами, ветки, сбитые пулями, посыпались на спины. Заметили, гады! По кустам справа словно косою прошли: ветки, щепки, листья так и брызнули. Понятно. Прочесывают кустарник огнем. Когда мы выскакивали, просекли, а вот куда отползли, не видели. Это ненадолго. Подтянутся, ударят со всех стволов... Пуля не конфета, проглотить – не переваришь.

– Делай как я!

Я двинулся первым, метров через десять оглянулся: Паляница и механик ползли следом. Механик работал локтями привычно, а вот «летеха» оттопырил зад и шлепал ладошками как младенец. Где и чему его учили? Красный командир, туды его в качель! Луг за кустарником пошел вниз, и я встал: теперь не достанут. Следом поднялись механик с «летехой».

– Бегом, марш!

До опушки леса было метров пятьсот, и преодолеть открытый взгляду лужок предстояло как можно быстрее. Если немцы поспеют раньше... Я не оглядывался, но по запаленному дыханию позади слышал: не отстают. Паляница вскоре обогнал меня – длинноногий черт! – и замыкал впереди. Я надал. В лес мы влетели почти одновременно, Коля прибежал минуту спустя. Здесь он повалился, держась за правый бок. Я не тревожил: летели, как на Олимпиаде. Даже быстрее. Там сражаешься за деньги и славу, здесь – за жизнь!

Паляница болтался рядом, но молчал, предоставляя мне право решать. Правильно. Заикнись он, и предложил бы ему топтать своей дорожкой. Я глянул в сторону дальних кустов. Вдоль них ползала немецкая «двойка». Вовремя сдернули! Остальные не успели. Жалко ребят, толком познакомиться не успели, но все равно жалко. Правильные парни, не захотели отступить. Всем бы так в сорок первом... Эх!

Оставалось прикинуть диспозицию. Выглядело грустно. Налицо трое безлошадных танкистов. Оружия нет (карабин остался в танке, «парабеллум» можно не считать), еды нет, воды нет, курево кончилось; хорошо, хоть спички остались. Здорово пригодилась бы карта, но она отсутствует, так же, как компас и прочие полезные в блуждании по лесам вещи. Зато дорога известна – на восток. Я глянул на солнце, часы, затем на деревья, определяя направление. Тому, кто бродил в сибирской тайге, не проблема.

– Двинули!..

В лесу было душно, пахло хвоей и разогретой смолой, скоро я взмок. Остальные тоже вытирали лбы. Где-то наверху пели птички (что им война!), но как-то лениво. Жара! Пить хотелось немилосердно, но вода не попадалась. Спустя полчаса выбрали на тропинку. Она бежала к востоку, идти стало легче. Шли не таясь: в лесу немцам делать нечего, они сейчас на дорогах, а вот нам найти хутор или деревню было бы кстати. Есть хотелось не меньше, чем пить. Время за полдень, а мы и не завтракали. Обшарить развалины хутора не получилось, у Анисимова еды не было. В линейных танках нашелся бы НЗ, но погибший взвод был учебным. В том-то и дело, что был...

Тропинка побежала вниз, спускаясь в балку. По дну бежал ручеек: узкий, с прозрачной, холодной водой. Не сговариваясь, мы подбежали, рухнули на животы и приникли к воде. Пили, пили и пили, утоляя накопившуюся жажду и набирая влагу про запас. Когда спутники отвалились от воды, я стащил сапоги, размотал портянки и опустил ступни в прохладный ручей. Механик последовал моему примеру, а вот «летеха» не стал. Его дело. Нет лучшего средства снять усталость, как окунуть ноги в холодную воду – проверено опытом.

После питья есть захотелось еще больше. Мы шагали по лесной тропинке, а она все не кончалась. В желудке немилосердно бурчало, я невольно шарил взглядом по лесной подстилке. Грибов не видно, что и понятно – июнь, ягодник не попадался, яблоки на соснах не растут... Господи, скорей бы жилье! Не дадут хлеба, так в огород можно залезть, морковки подержать, бурачков. Картошки, пусть даже мелкой... У нас пистолет, прогнать побоятся.

Чарующий запах тушеного мяса пощекотал мне ноздри, заставив замереть. Галлюцинация? Добегался! Я оглянулся на спутников. Они остановились и крутили головами, приносясь. Всем одновременно мерещиться не может.

– Там, – указал рукой механик. Паляница подтвердил, экипаж, не ожидая команды, свернул с тропинки и вломился в кусты. Мне оставалось только возглавить движение. Запах то пропадал, то возникал снова, каждый раз усиливаясь. Я достал «парабеллум» и загнал патрон в ствол. Крестьяне не тушат свинину в лесах, мясо – еда военных. Или же советская часть, или... В последнем случае будем щелкать зубами, немцы если и угостят, то свинцом. Зато про голод забудем...

Гул моторов прервал размышления. Неподалеку, и как раз в том направлении, куда мы двигались, проходила дорога. Судя по звуку, по ней шла колонна. Чья? Наша или немецкая?

Лес кончился внезапно. Мы стояли на краю небольшой полянки, за ней сквозь редкие деревья виднелась дорога. Вернее, крыши тентов проходящих машин – дорога шла ниже. Заметить оттуда нас не могли. А вот с поляны... Посреди нее стояла полевая кухня на огромных деревянных колесах. Железная труба дымила, двое запряженных битюгов флегматично щипали траву. Поодаль суегился солдат в сером мундире. Он разделявал пилой сухую лесину. Притаившись за кустом орешника, я обшарил взглядом поляну. Никого. Странно. Внезапно, пришедшим откуда-то сверху озарением, понял, что немец один. Свернул с дороги за дровишками. Оставить кухню на обочине не решился: вдруг утащат чего? Да и дрова носить далеко. Хозяйственный...

Немец тем временем закончил пилить, отнес поленья к кухне, сгрузил и заглянул в котел. Облако пара вырвалось наружу. Ветер дул в нашу сторону, и неудержимо манящий запах достиг через секунду. За моей спиной зашевелились Паляница с механиком, стало слышно, как заурчало в их животах. Черт!

Оглянулся. Серостальная форма танкистов отличается по цвету от немецкого «фельдграу», но сходство есть. Кто не рискует, тот не обедает!

Наше появление немец прозевал, а когда заметил, застыл недоуменно. Мы шли вразвалку, не спеша, как идут к ротной кухне уставшие в боях солдаты. Пока немец соображал, мы подошли совсем близко. Он догадался в последний момент и дернулся к упряжке, но «парабеллум» уже смотрел ему в лицо.

– Хальт!

Немец замер. Прекрасно! Мне не хотелось стрелять – могли услышать с дороги. Паляница метнулся к упряжке и вернулся с карабином в руках. На ремне, переброшенном через плечо, – гроздь подсумков. Вот и славно! Это очень легкомысленно, господин фриц, оставлять оружие в повозке, его следует держать под рукой.

– Где остальные?

Паляница перевел. Немец зачастил, испуганно бегая глазами по нашим лицам.

– Он один, – резюмировал «летеха». – Второго повара ранили осколком, он отвозил его в госпиталь, теперь догоняет своих. По пути решил запастись дровами.

Что и следовало доказать.

– Что в котле?

– Картофель с мясом, – перевел лейтенант.

– Мы обожаем картошку с мясом! – сообщил я и поторопил немца: – Шнель!

Он метнулся к упряжке, спустя минуту в руках каждого была алюминиевая миска с тушеной картошкой. У немца нашлись и ложки. Шипя и обжигаясь, мы набросились на еду. Картошка оказалась слегка недоваренной, но на это было плевать: горячее сырым не бывает. Ели стоя, не забывая поглядывать по сторонам: береженого бог бережет. Миски опустели, немец наполнил их снова. В этот раз не торопились, первый голод утолен. Закончив, оближал ложку и сунул за голенище сапога: пригодится. Моему примеру последовали лейтенант и Коля-мехвод. Немец принял у нас миски, метнулся к кухне и открыл крышку второго бака. В ноздри ударил забытый аромат. Кофе? Ну конечно! Чай в вермахте не пьют.

Немец наполнил алюминиевые кружки и поднес нам. Паляница схватил и жадно припал, а вот Коля, отхлебнув, сплюнул:

– Горько!

Я попробовал – без сахара. Зато бодрит.

– Пей, Коля, это полезно!

Механик послушался. Морщась, он осушил кружку до дна. Повертел ее в руках и со вздохом вернул немцу. Все правильно: вещмешков у нас нет, за голенище кружку не засунешь. Я отдал немцу свою, а вот Паляница попросил добавки. Где, интересно, пристрастился? В Красной Армии до войны кофе не подавали...

Личный состав был накормлен, следовало двигаться дальше, предварительно решив судьбу немца. Он, видимо, догадался, потому что вдруг жалобно затараторил.

– Умоляет не убивать его! – переводил Паляница. – Говорит, он не наци, его мобилизовали. У него двое детей...

– А у наших, что погибли, их не было?!

– Товарищ сержант! – Паляница расправил грудь. – Надеюсь, вы не собираетесь?..

Я не собирался: немца убивать не хотелось – не давешний фашист. Лицо посерело от страха, глаза бегают.

– Как зовут?

– Гефрайтер Мюллер! – вытянулся фриц.

Гляди ты! Часом, не родственник?

– Что такое гефрайтер? – встрял Коля.

– Вроде ефрейтор... Пусть скажет: «Гитлер капут!» – велел я. Паляница перевел.

– Гитлер капут! – немец заорал с таким энтузиазмом, что все засмеялись.

– Живи, гефрайтер!

– Данке, герр офицер! Данке!

Немец кланялся, затем метнулся к кухне и вернулся с картонным ящиком. На траву посыпались плоские жестяные банки.

– Битте!

– Говорит, французские сардины, – перевел лейтенант.

Немец снова метнулся к кухне и принес коробку с сухарями. Сухпай... У них, значит, при кухне возят. Мы рассовали сухари и банки по карманам – сколько влезло, немцу наказали замереть на час. Он так кивал головой, что было видно: просидит два. Тронулись. Сытые, вооруженные. Лейтенант перепоясался немецким ремнем с подсумками, карабин держал в руках. Сторожится – правильно! Я взял пистолет в руку, немецкий штык отдал Коле. Механик схватил его радостно. Оружие придает уверенности.

Шагать на полный желудок было тяжело, но отдыхать – еще хуже. Заснем, а с дороги свернут мотоциклисты. У них на колясках пулеметы «МГ», наделают нам дырок – винтовку поднять не успеем. Нет уж!

Дорога, видимая в прогалинах меж стволами, оставалась пустынной. Мы прошли с километр, как Паляница вдруг указал рукой вперед. Над деревьями поднимался дымок. Мы прибавили шагу. Спустя несколько минут деревья расступились, и мы, не сговариваясь, замерли. Коля потянул с головы шлем.

Для того чтоб восстановить картину, понадобилась минута. Кативших по дороге немецких мотоциклистов догнал БТ-2. Только не такой, какой был у нас, а пулеметный. Задних немцев он срезал, другие попытались уйти. Свернули на луг и понеслись к кустам. «БТ» – следом и ну гонять их по лугу. Таки догнал: два мотоцикла, перевернутые на бок, валялись на траве. Один догорал. Увлечшись, танкисты забыли, что воюют всего лишь с разведкой, или же не знали этого. Когда подошли немецкие танки, бежать было некуда. С пулеметами против пушек шансов у танкистов не было. В башню «БТ» попали не менее пяти раз. Танкисты попытались выскочить. Им это удалось, но... Один лежал у гусениц, положив голову на руку, как будто прилег поспать, второй висел вниз головой, зацепившись ногой за верхний край люка. Из одежды на нем оставались обрывки комбинезона – остальное сгорело, даже сапоги. Черное скрученное тело, еще совсем недавно бывшее живым человеком...

– Как же это так? – прошептал механик.

– Первым выстрелом в бензобак, – сказал я сквозь зубы. – Горящим бензином плеснуло в башнера. Они выскочили – и под пулемет. По башне немцы били на всякий случай или со злости.

– Похоронить бы ребят!

– Некогда! Идем!

Я побежал, они устремились следом. Лежавший на боку мотоцикл мы поставили на колеса в один миг. Немцы, скорее всего, соскочили, надеясь скрыться в кустах, но башнер «БТ» такой возможности им не дал: трупы в форме цвета «фельдграу» валялись неподалеку. Я осмотрел мотоцикл: вроде цел. Проверим! Мысленно перекрестившись, ударил подошвой по заводному рычагу. Мотор фыркнул и затарахтел. Нет, гансы, конечно же, суки, но машины делать умеют – до сих пор. Прыгнул в седло и попробовал проехать – нормалек! Теперь трофеи собирать. Танки, расстрелявшие «БТ», куда-то спешили. Трупы своих не подобрали, даже оружие. У одного из убитых фрицев я заметил подвешенную к поясу планшетку. Пока ребята собирали стволы, открыл. Карта! Очень к месту! Подробная, каждый ручеек указан. Кругок с надписью Kobrin был обведен красным карандашом. Вот, значит, куда ехали!

Я сложил карту и сунул за голенище. Сбор трофеев завершился. У лейтенанта за спиной висели два карабина, еще один был у механика. Коля притащил подобранный на траве «МГ» и устанавливал его в турель в коляске. Сообразил.

– Поехали!

– На дороге немцы! – Паляница колебался.

– И наши тоже! Тут теперь слоеный пирог... Кто боится, может пешком!

Лейтенант помялся и влез на заднее сиденье. Какой он бздливый, честное слово! Я прыгнул в водительское. Мотор зарычал, протестуя против груза, мотоцикл тяжело тронулся и пока-

тил по лугу. Мы выбрались на дорогу и устремились к Кобрину. Если немцы спешили к городу, значит, там наши...

Глава 4

Ильяс

Ехали недолго. Мотоцикл катил по дороге, сержант крутил головой, посматривая по сторонам. Коля не отставал, да и я был настороже. Не хотелось, чтоб вышло, как с теми танкистами... Я постоянно оглядывался и на очередном повороте заметил позади столб пыли – за нами кто-то поспешал. Хлопнул сержанта по плечу. Тот притормозил, привстал в седле и молча свернул в лес. Едва мы спрятались в кусты, как по дороге промчались немецкие мотоциклисты. За ними показались бронетранспортеры на колесно-гусеничном ходу, следом тянулись грузовики. Некоторые тащили на прицепе пушки. Одна за другой, поднимая клубы пыли на сухой гравейке, машины шли мимо, и с каждой из них лицо сержанта мрачнело. Механик потянулся к пулемету, но рыжий упредил:

– Отставить!

– Товарищ сержант! – взмолился мехвод. – Это же немцы!

– Вижу. Сколько их? Прихлопнут нас в минуту.

– Но и мы им врежем!

– Ты кто? – Сержант насупился, глаза сошлись в щелочки.

– Механик... – растерялся Коля.

– А я наводчик. Наше дело в танке воевать. Будь у нас «БТ», мы бы им загнали курду. До Берлина бы драпали! А так... – Он махнул рукой. – Все, мужики, стоп машина! На сегодня хватит. Ночует!

Мы отогнали мотоцикл глубже в лес, где расположились на бивак. Я отправился на поиски хвороста, рыжий ушел на разведку окрестностей. Коля сбегал к недалекому озерцу и вернулся с брезентовым ведром, полным воды. Вода отдавала болотом. Ведро, как и котелок, мы обнаружили в коляске мотоцикла. Было там еще кое-что. Быстренько соорудил очаг, подвесив над огнем котелок. Когда вода закипела, высыпал в нее коричневый порошок из бумажного пакетика. Аромат свежесваренного кофе поплыл в вечернем воздухе.

– Как вы эту гадость пьете? – вздохнул Коля. – Я бы лучше компот. У нас в деревне даже чай не пили – дорого...

Я не ответил, и Коля принял это за сигнал к действию. Достал из коляски консервы – те, что дал нам повар, и буханку черного хлеба – осталась от убитых немцев. Немецкие штыки имелись, банки были вскрыты и зашипели маслом на горячих углях. За этим занятием и застал нас вернувшийся сержант.

– Запах от вас – за версту! – покрутил он головой. – Найдут, как мы повара.

– Немцы близко? – насторожился мехвод.

Рыжий покачал головой. Затем положил винтовку и присел.

– Зачем консервы открыли? Жрали же недавно!

Вот русский жлоб! Его это консервы? Раз лейтенант не возражает, тебе дело?

– Ужин у бойца – третье по важности событие после обеда и завтрака, – пробурчал Климович, запихивая в рот кусок хлеба с горячими сардинами. – Вкусно! – заметил, прожевав. – Наверное, и вправду французские...

– Наших видел? – спросил я сержанта.

– Нет. Стреляют на востоке и у Бреста – сами слышите, но рядом боев нет. В километре отсюда деревенька, там тихо.

– Это хорошо. – После сегодняшних приключений ноги гудели и мысли путались. – Может, и получится проскочить в Кобрин.

Перед уходом рыжий показал мне карту, я знал наш маршрут.

– Какой Кобрин? – встрепенулся Коля. – Завтра наши подойдут, мы этих гадов поганой метлой... Я вам, товарищи командиры, удивляюсь. В Брест надо. Там завтра – все штабы! А мы как дезертиры...

– Для дезертиров мы неплохо воевали! – хмыкнул сержант.

– Все равно неправильно, – настаивал Климович. – Идем в глубь своей территории, значит, отступаем. А за это...

– Не волнуйся, боец, не накажут. Нас, по крайней мере, – успокоил сержант. – Ты о танковых клиньях и блицкриге слышал?

Коля покачал головой.

– У немцев тактика такая – танками рассекать линию обороны и коммуникации со связью рушить. Видал, как по дорогам катят? Не отойдем к Кобрину, окажемся в окружении.

– Как у вас, товарищ сержант, язык поворачивается такое говорить?! На рассвете наши части сбросят врага в Буг, а затем стальным катком...

– Сверкая блеском стали? – сощурился сержант.

– Да! – не смутился мехвод. – Сверкая! У нас же сила какая! Да и сами немцы, как тот повар из рабочих, повернут оружие. Это они временно одурманены! Как только разберутся...

Я не смог сдержаться – хмыкнул и потянулся за новой банкой. Сержант предупреждающе поднял руку:

– Оставьте провиант, товарищ лейтенант! Сегодня нам повезло, но завтра может не случиться. Немецкие кухни в лесах не часто встречаются. Надо экономить.

Я едва не зашипел от злости. Задолбал своими поучениями! В каждую щелку лезет! Дождется! Пока я решал, как осадить строптивного сержанта, тот убрал банки, завернул в тряпицу мехвода начатую буханку. Плеснул себе кофе в крышку котелка, обжигаясь, выпил. После чего достал сигареты, как я понял, трофейные. Командиру закурить не предложил, жлоб.

Коля потянулся и зевнул.

– Ложись! – поддержал Волков. – Я – позже. Будем дежурить через два часа. Хотя немцев не видно, но все же. Сейчас... – Он поднес циферблат наручных часов к глазам. – Двадцать два ноль-ноль.

Я покосился на часы. Утром у сержанта их не было. Снял с трупа, мародер!

– Вы тоже ложитесь, товарищ лейтенант! – предложил мне рыжий.

После кофе спать не хотелось, и я покачал головой.

– С рассветом двинемся, лучше не тянуть, – укорил сержант. – Ночи короткие, силы понадобятся.

Я не ответил, а вот механик не заставил себя упрашивать. Примостился на мху под сосной, сунул под голову шлем и засопел. У костра остались мы вдвоем. Было еще светло: ночи здесь не такие, как у нас в горах – темные и непроглядные. Канонада в отдалении стихла, стало слышно пение птиц. Какая-то заливалась неподалеку.

– Соловей! – заметил сержант. – Тут болотце верховое неподалеку, а соловей только у воды поет. Сядет, горлышко промочит – и дальше. Жизнь... Места тут красивые, только бы отдыхать! Наловить рыбки, сварганить ухи, а не так... – Он не досказал, но я понял, о чем он. Скрюченное тело сгоревшего танкиста все еще стояло перед глазами.

«Спросить? – подумал я. – А вдруг? Момент хороший...»

– Товарищ сержант, вы сегодня песенку насвистывали... Мелодия вроде знакомая, а слова не вспоминаются. Напоете?

Рыжий пожал плечами:

– Не помню.

– Да вот эта! – Я попробовал просвистеть. Не вышло, конечно, но сержант понял.

– А-а... В роте у нас сочинили. Шутливая песенка, танкистская, про мехвода. «Ай-я-яй, убили мехвода, в роте мехвода убили. Ай-я-яй, замочили, гады... А он встал и пошел». Что-то такое...

– Где пели? В Испании?

– Угу! Испания – такая страна, там все поют.

«Врет! – понял я. – Врет и не краснеет. Зачем?»

– Песню пели не «Запрещенные барабанщики»?

– Какие барабанщики? – делано удивился рыжий. – Откуда они в роте? Почему запрещенные? Что-то вы не о том, товарищ младший лейтенант!

Юлит? Добавим.

– Эту песню я слышал в исполнении одной групп... ансамбля одного. Песни и пляски.

Молчит...

– Сам ансамбль смотрел по «эмотиви»...

– Как? – вскинулся сержант.

– MTV.

Рыжий закашлялся, отдышался, встал, прошелся, снова сел.

– MTV, говоришь? А такую песню, случайно, не слышал?

Он, волнуясь, запел: «Комбат – батяня, батяня – комбат...»

– «Любэ»?

Сержант вскочил:

– Лейтенант, отойдем!

Хотя спящий Коля помешать нам не мог, предложение было резонное, и я подчинился. Мы отошли в сторону озера.

– Ты из какого года? – Глаза его блестели в свете луны. – Из какого года сюда попал?

Я ответил.

– И я из этого. – Лицо его скривилось. – Застрелили меня у дома. Вигура я, слышал?

Сердце в груди заклокотало, к горлу подкатил ком. Кивнул, стараясь, чтобы движение не показалось резким.

– Ну да. Конечно же, слышал! – подтвердил он. – В России каждая собака знает. Знала, – тут же поправился. – Столько лет по телику твердили: пьяница, убийца... – вздохнул. – Знал ведь, что убьют, но все равно неожиданно. Не думал, что так скоро. Подослали черных...

– Кто... Кх-кх... Кто подослал? – закашлялся я.

– Есть гады...

– А вдруг это сами... эти...

– Черные? В первый же вечер? У них что, свое ФСБ? Использовали их втемную! Звякнули, адресочек сказали... Видел бы пацана, что ко мне бежал! Недоносок сопливый, пистолетом в кармане запутался! Хотел по морде дать и пистолетик отобрать, да у него за спиной целый аул... – Он снова вздохнул. – А тебя как?

От «недоноска» я едва не прыгнул. Мои сжатые добела кулаки он не заметил. Надо ответить, а зубы не открыть, они сейчас ругательства сдерживают.

– Так как?

– Э-э... Машина... На переходе сбила.

Он кивнул.

– Сам кто?

«Сука! Что скажешь, если узнаешь? Извинишься? Или еще раз застрелишь?»

– Студент. Институт нефти и газа, предпоследний курс.

– В армии не служил?

Я покачал головой. Мне без нужды. Я и без армии все, что надо, выучил – по ускоренной программе. У нас «калаш» дети с пеленок изучают. Строем и в форме ходят бараны.

– То-то смотрю... И какого рожна нас сюда? В сорок первый? Ладно, я танкист, а ты? Может, в казарме кто еще из наших был?..

Помолчали. Если и был, то уже нет... Что делать? Рубануть его чем-нибудь – прямо сейчас? Только чем? Лопатку бы! Будто чувствуя, рыжий отступил на шаг.

– Жалеешь, что попал сюда? – вырвалось у меня.

– Я? – удивился он. – Нисколько!

«Вот как? Шакал дорвался до свежего мяса? Нравится убивать?»

– Здесь по-честному, – пояснил он. – Есть враг, который пришел на твою землю, его надо убить. Никакой демократической гнили, воплей о правах человека. Какие у фашистов права? Сдохнуть – и все! А то развели... Наш полк в Чечне, если хочешь знать, ни одного дома не разрушил, хотя мог. Если из села стреляют, ответить – наше право, никто б и не вякнул! Соблюдали их права, и что взамен? Митинги собирали: приговорить убийцу к высшей мере! Это я убийца?

«Овечка невинная...»

– Разве нет?

– Ты, смотрю, начитался! – хмыкнул он. – Меньше верь продажным писакам! Да они маму родную за заморский доллар продадут!.. Я сегодня немца застрелил, ты же не возражал?

– Ну...

– Девку убил случайно. На войне сплошь и рядом. Если хочешь знать, это боевики виноваты! Притащились с пулеметом! Не было б их, никто бы не стрелял.

– Суд вроде доказал: в том выстреле не было необходимости. – Надо было удержать голос, не дать ему сорваться. Лицо сделать бесстрастным. – Я, конечно, все подробности не помню.

– Ага! – Он снова хмыкнул. – Суд и того немца, что я грохнул, оправдал бы. Цветочки, дескать, приехал в Россию нюхать. Правозащитники бы завыли, наняли гаду адвоката... Бляди продажные!

Рука моя уже скользила к штыку, но он пока не замечал.

– Звать-то тебя как? Не Ефимом же?

– Иль... Илья.

– Олег! – Он перехватил мою ладонь и затряс ее. – Рад познакомиться! Хреново здесь одному. Не дрейфь, Илюха, выплывем!

Я скривился. Он трактовал это по-своему.

– Не гони панику! Ты, конечно, не офицер, это заметно, но сейчас война, людям на тебя смотреть некогда. Гляди на меня и повторяй, а я потиху натаскаю.

Он оглянулся на спящего у костра Климовича.

– Ты в местных терках хорошо разбираешься? В смысле политики. Может, учил в институте?

«Тебе это не понадобится, шакал!» – покачал головой.

– Вот и я. Какие у них сейчас вожди? Сталина знаю, Берию, а эти Молотов, Каганович... Портрет покажут – поплыву. Про стройки пятилетки совсем никак...

Подбираясь ближе, я развел руками.

– Ну, и ладно, не до этого. Болтаем поменьше, воюем получше, остальное приложится. Вот такая диспозиция.

Он снова чуть отодвинулся и внезапно ринулся вперед, облапил меня своими ручищами и еще раз улыбнулся:

– Рад, Илюха! Честное слово!

Рука выпустила рукоятку штыка. Сержант подмигнул и пошел к костру. Я топал следом, разглядывая спину в промокшей гимнастерке. Темное пятно на спине было заметно даже в ночных сумерках. Светлые здесь ночи... У костра предложил сержанту поменяться дежур-

ствами. Тот не возражал. Примостился рядом с мехводом и сладко зевнул. Я присел к огню и попробовал, легко ли выходит штык из ножен...

* * *

Олег

Проснулся я в предрассветных сумерках. На часах было без четверти два. Интересно, немец покойный перевел стрелки или это европейское время? Поди узнай! Хорошие часы мне перепали, швейцарские, стрелки и циферблат светятся. Не забывать завести – и будет счастье. Коля у костра клевал носом. Я встал, и он сразу встрепенулся.

– Все тихо?

– Так точно!

Я пригляделся. Илюха-лейтенант спал в отдалении, во сне он мычал и дергал ногами.

– Чтой-то он?

– Испужался! – пояснил Коля. – Я ночью проснулся: над нами стоит, в руке штык. «Чего это?» – спрашиваю, а он в ответ: «Волк к костру подходил!» Я: «Винтовку бы взял!» А он: «Немцы выстрел услышат!» – и отошел к костру. Я потом долго уснуть не мог: боюсь волков!

– Летом они не страшные.

– Приходил ведь!

– Любопытный! Молодой, наверное. Навоняли своими консервами! – Я пнул сапогом пустую банку. – Не бзди, боец, волкам сейчас не до нас.

Время до смены у меня было, и я использовал его с пользой. Сбегал к озерцу, сбросил обмундирование и голышом плюхнулся в прохладную воду. Озерцо оказалось мелким, с топким, илистым дном. Вода за ночь почти не остыла, я с удовольствием окунулся, затем растер тело ладонями. Еще б и мыло, но это уже мечты. Вволю поплескавшись, выбрался на берег и вытерся майкой – на теле обсохнет. Обуваясь, вспомнил лейтенанта. Теперь понятно, почему тот не разулся у ручья: портянки наворачивать не умеет. Боялся, что раскусим. Научится. Илюха, конечно же, молодец: защищал нас с ножом в руке. На хуторе танк немецкий завалил... Будет из студента прок!

Отправив зевающего Колю дремать, занялся завтраком. На войне пожрать – первое дело. Обед с ужином может и не случиться, а натошак воевать кисло. Сардины разогреть не стал – и холодные сойдут. Волков я не опасался, а вот немцев зазывать... Кофе все же не удержался и сварил. Хоть и без сахара, но прежней жизнью пахнет. Хреновой она у меня вышла, но все ж моя...

На запах кофе проснулся лейтенант; встал и подошел. Я молча придвинул котелок. Он отхлебнул. В глаза Илюха старался не смотреть: стыдится ночного испуга. Зря... Мы помолчали. В лесу постепенно светлело, стволы сосен проявлялись из предрассветных сумерек, как на фотобумаге – увлекался я в детстве фотографией, просыпались птицы. И не только они. Где-то далеко ударила пушка, другая, после загремело во всю мочь. Прислушался: стреляли у Бреста. Крепость ведет бой. На востоке пока тихо. Обогнавшие нас немецкие части, наверное, сосредотачиваются. Интересно, повар Мюллер своих догнал? Вот уж рассказал ужасов.

– Едем, лейтенант! – сказал, вставая. – Самое время – немцам не до нас.

Предрассветная гравейка была пустынной. Мы катили навстречу разгоравшейся заре, лейтенант сидел за спиной, а Коля в коляске жевал. Он как-то ухитрился вскрыть банку на ходу и теперь поглощал сардины, цепляя их пальцами прямо из банки. Похоже, что есть механик готов был всегда и в любой ситуации. Пусть! Лишь бы танк хорошо водил. Илья от завтрака отказался. Выглядел он неважно: глаза покраснели, лицо помятое. Напереживался. Сначала эта история с воплощением, потом – волк. Многовато для вчерашнего студента. Привыкнет – на войне это быстро.

Никто не встречался нам на пути. Это было странно. Насколько я помнил по воспоминаниям фронтовиков, дороги должны быть забиты беженцами, здесь же не попадались. Объяснение напрашивалось только одно: дорогу немцы перерезали еще вчера.

Танк первым заметил Николай. Он привстал в коляске и толкнул меня в плечо. Я притормозил на обочине.

– Т-26! – выдохнул Коля. – Целенький!

Танк и вправду не выглядел подбитым. Стоял в поле с открытыми люками, новенький, свежееккрашенный. Странно. Я присмотрелся: траков не видно, над зеленым ковром возвышается только корпус с башней. Все ясно: сел в болото. Грунтовка, выходящая на гравейку, разбита гусеницами. Колонна шла маршем, этот почему-то съехал в сторону, наверное, пытался кого-то обогнать, вот и залез в топь. Те, кто не служил в армии, почему-то думают, что танк, аки Господь по воде, везде пройдет. Если бы! Сколько их, наших и немецких, вязли в болотах во время войны – до сих пор выкапывают.

Комья грязи, занесенные гусеницами на грунтовку, успели подсохнуть – вчера шли. Где экипаж? Бросил машину? Очень может быть. Время подпирало, приказали пересесть в другой танк, за отставшим собирались прислать тягач. Не прислали...

– Товарищ сержант. – Глаза мехвода загорелись. Ясно, что задумал. Любит этот парень машины.

Я свернул на грунтовку, и мы, прыгая на колдобинах, подкатили к танку. Коля соскочил еще на ходу и рванул к машине. Оставив лейтенанта на шухере, двинулся следом. Почва вокруг танка прогибалась под подошвами. М-да... Забрался внутрь. Боеукладка на месте, пулеметные диски – полной горкой. Ребята сильно спешили...

– Товарищ сержант! – В башне показалось лицо мехвода. – Танк заправлен, мотор в порядке. Смотрите! – Он нырнул обратно, послышался клекот электрического стартера. Мотор нехотя рыкнул и загудел.

– Глуши!

Выбрался наружу и обошел машину. Коля не отставал. Лицо у него было умоляющим. Не надо, а? Я б и сам не отказался, но как вытащить? Волшебным словом? Т-26 пробовал выбраться сам – за кормой куча грязи, выброшенная гусеницами, но не сумел. За ночь танк сел еще глубже. Нужен тягач, только где взять? Мне его Гитлер пришлет?

– Сержант! – Лейтенант призывно махал рукой.

Лицо его выглядело встревоженным – кого-то заметил. Немцы? Я побежал изо всех сил. Однако лейтенант смотрел не на гравейку. Вот оно что... Экипаж не покинул танк. Ему велели остаться и вытащить машину. Ребята поступили грамотно: пошли в лес и спилили молодую сосну – подложить под гусеницы. Они несли ее к танку, когда на шоссе выскочили немецкие мотоциклы. Танкисты не ждали их – «Мы же этих нарушителей прямо на границе!» – и не оставили в башне стрелка. Всех троих срезали из пулемета. Они рухнули, бревно придавило тела. Немцы не стали добивать – покатали дальше. Один из танкистов, раненый, сумел выбраться и пытался ползти. Недалеко... Обильная роса, выпавшая ночью, блестела на мертвых лицах, будто слезы.

– Товарищ сержант... – подошедший механик умолк.

– Взяли! – рукой указал на бревно.

Мехвод нагнулся. Вдвоем отбросили ствол в сторону. Коля принес от танка лопату, я выхватил и стал копать. Пропитанная влагой земля смачно чавкала под штыком. Занятие напрасное – всех убитых не похоронишь, но руки просили работы. Лучше копать, чем думать...

Пришел в себя минут через пять. Механик топтался рядом.

– Продолжай! – протянул ему лопату. – Вырой нормально.

Сам пошел к мотоциклу. Достал сигареты, закурил. Лейтенант смотрел на нас с тревогой.

– Подменишь Николая, как устанет? Надо спешить.

Илья пожал плечами. Я докурил, бросил окурочек и вернулся к убитым. У младшего лейтенанта на поясе висел «наган», снял его вместе с кобурой – Илюхе пригодится. Командиру с винтовкой бегать негоже, да и в башне с ней... У других танкистов оружия не было. Лейтенант сменил уставшего Николая, я занял место у пулемета в коляске. Гравейка по-прежнему была пустынной. Потянул из пачки новую сигарету. К смерти трудно привыкнуть. На Кавказе видел, здесь насмотрелся, но внутри все равно скребет. Совсем ведь пацаны, наверное, и понять-то не успели...

Со стороны шоссе донесся гул. Кто-то ехал, причем этот «кто-то» имел мощный мотор и гусеницы: в гул влетался лязг траков. Танки? Если так, вряд ли это немцы, уж больно мощно гудит. «КВ» или Т-34. Дав знак ребятам залечь, я завел мотоцикл и покатил к гравейке. Спрятал BMW за кустами и снял с турели «МГ». Против танка – рогатка, но если вышлют разведку... Береженого бог бережет.

Над взгорком показалась кабина, а за ней и широкий радиатор тягача. Деловито лязгая траками, он тащил на прицепе орудие на гусеничном ходу. В открытом кузове тягача сидели люди. Я пригляделся – защитная форма. Наши! Тягач сполз вниз, следом показался второй. А где же прикрытие? Стоит выскочить немцам на мотоциклах – и капут! Они тут совсем охренели!

Я выбежал на шоссе и замахал руками. Тягач подполз ближе и остановился. Из кабины выскочил командир со «шпалой» в черной петлице. Капитан.

– Кто такой?

Хоть бы пистолетик достал! Да и другие глазуют. А если засада?

– Сержант Волков, 22-я танковая! – вытянулся я. – Помогите вытащить! – Я указал на поле.

– Некогда, – отмахнулся он. – Без того опаздываем.

– Вы едете без прикрытия, а будет танк. Вдруг немцы...

– Нет здесь немцев! – Он повернулся.

– Товарищ капитан!

Окрик заставил его обернуться.

– Там лежат убитые танкисты. – Я указал рукой. – Они тоже думали, что здесь тыл. Со вчерашнего дня лежат. Вечером мы видели две колонны немцев, шедших к Кобрину. Бронетранспортеры, грузовики с пехотой... Выскочат на вас – ахнуть не успеете! Пока эту дуру развернешь... – Я кивнул на пушку.

Он задумался, но не спешил.

– Отдадим мотоцикл! – присовокупил я. – Трофейный, BMW, и пулемет в придачу. Вам нужнее.

– Ладно! – Он повернулся к тягачу. – Сидоренко, отцепляй и возьми буксирный трос! Расчетам рассредоточиться и занять оборону!

– Хватит одного? – спросил я. – Т-26, одиннадцать тонн...

– Это «Ворошиловец»! – хмыкнул он. – Дизель, 375 лошадиных сил. Наша «дура», как ты выразился, весит в полтора раза больше.

«Ворошиловец» не подвел: танк выдернул как морковку. Коля помог гусеницами, пригодились и бревна. Пока мы возились, артиллеристы забросали убитых земель. Могилка была мелковатой, да и холмик – неуклюжим, но все ж не в чистом поле.

– Выдвигаемся к Жабинке! – сказал капитан, когда танк выбрался на шоссе. – Вы – впереди!

– Лучше мотоцикл с разведкой! – посоветовал я.

– Сам бы не догадался! – хмыкнул он. – Откуда такой умный, сержант? Топай в танк и лейтенанту своему скажи, чтобы чуть впереди нас катился. Мотоцикл передай вон тому сержанту.

Поехали.

В башне натянул на голову шлем. Мы сняли их с убитых. Коля хмурился, но я приказал. Приложиться головой к броне при торможении или попадании снаряда – удовольствие малое. К тому же в танке переговорное устройство без шлемофонов не работает. Мертвым без нужды, нам пригодится. Нас ждало сражение. «Дуры», что тащились за нами, для второстепенных задач не выделяют.

* * *

Хотелось есть. Утром Ильяс отказался от завтрака, теперь жалел. Есть рядом с человеком, которого собираешься убить, неправильно. С врагом хлеб не преломляют... Да и ночью сплеховал. Начал думать, правильно ли это – резать спящего. Потом за штык взялся, а руки будто держит кто... Пока набирался решимости, проснулся мехвод, затею пришлось отложить, а потом и оставить. Еще сон этот бестолковый. Горы, небо синее, отец весь седой на пороге дома, мать в огороде бабушке помогает. Понимаешь, что все это ушло, нет их, а проснуться не можешь – будто мешает что-то. И почему-то не хочется просыпаться. Он заходит в дом, а там простокваша холодная на столе, свежий бабушкин хлеб... Отец протягивает нож, чтоб мяса отрезать, и вдруг вместо ножа – штык с окровавленным лезвием. С остро заточенного кончика кровь капает. «Твоя кровь, сыночек!» – говорит отец. Внезапно стена валится, рассыпаясь на кирпичи, и в дом въезжает танк. В люке торчит рыжий, стреляет из автомата, орет: «Они прорвались!» Кто?! Куда? А вокруг уже никого – ни родителей, ни гор, ни бабушкиного дома. Только поле, поросшее пшеницей, и он посреди. Почва под ногами зыбкая, его тянет в трясины. Из всех сил пробует вытащить сапоги, но не получается. Земля с чавканьем засасывает к себе, а за спиной гул, траки лязгают, моторы гудят. И лупят в спину – из орудий лупят. Чувствуешь, как снаряд летит, ход набирает. Сейчас врежется в тело, разнесет его в атомы...

Проснулся Ильяс в поту и, похоже, кричал даже... Вещим оказался сон. Расстрелянные танкисты, шлем с покойника, мокрый от росы... Ильясу не хотелось его надевать, но сержант глянул зло; возражения застряли в горле.

Ильяс встал и откинул люк. Сержант возник рядом. «Станет воспитывать – врежу!» – подумал Ильяс, наполняясь ненавистью. Рыжий, однако, ничего не сказал. Оглянулся на ползущие за танком тягачи, глянул вперед и засвистел. «Комбат – батяня, батяня – комбат...» – различил Ильяс. Выбрал песню, сапог! Лучше бы про негра...

К счастью, слушать пришлось недолго. Дорогу колонне преградил грузовик, вставший поперек гравийки, по сторонам его застыли люди с автоматами наперевес, в кузове виднелся пулеметчик. Петлицы военных были зеленого цвета, как и верх их фуражек. Пограничники?

– Заградотряд! – прокомментировал рыжий. – Быстро работают! Доложись, лейтенант! Представься, предъяви удостоверение личности. Не тушуйся: у нас все путем!

Пришлось подчиниться.

– Двадцать вторая – там! – Командир заградотряда указал на проселок, убежавший влево от гравийки. – Гаубицы пойдут дальше. Поспешайте, младший лейтенант!

В голосе пограничника скользнула презрительная нотка. «Думает, мы дезертиры! – догадался Ильяс. – Да знал бы ты! Сам-то почему здесь? Граница за спиной...» Спорить, однако, не тянуло. Ильяс козырнул и побежал к танку. Сержант, видимо, все слышал. Ильяс не успел заскочить в люк, как мотор рыкнул, и Т-26, развернувшись на гусенице, сполз на проселок.

– Значит, так, Илья! – наклонился к уху сержант. – По прибытию представься первому же офицеру. Вернее, командиру. Офицеры в их представлении за белых воевали. Командир отправит к начальству, тот скажет, что делать. Вот и все. Армия – дело простое.

– Вдруг станут расспрашивать? Я не знаю, кто я и откуда!

– Курсант говорил: проводил у них развод, значит, из учебной роты. Должность – командир взвода, с твоим кубиком выше никак. Ничего мудреного...

В расположение дивизии они влетели на скорости. Мехвод не заметил замаскированные в лесу танки и едва не врезался в ближний. Затормозил в последний момент. Происшествие не осталось незамеченным. Послышался мат, и к Т-26 подбежал человек в синем комбинезоне. На петлицах под расстегнутым воротом виднелись «шпалы».

– Капитан! – шепнул Ильясу сержант. – Не дрейфь, лейтенант! Будет орать – молчи и ешь глазами начальство.

– Кто такие? – бушевал капитан.

Ильяс соскочил на землю и представился.

– Какая, на хрен, учебная рота?

– Из военного городка.

– Разбомбили же вас!

– Мы выбрались. И танк спасли, – рыжий возник как из-под земли и выглядел обиженным. «Придуривается!» – понял Ильяс.

– В учебках не было Т-26!

– Этот по дороге нашли – в болоте сидел, – пояснил сержант. – Артиллеристы помогли вытащить. Это наш третий танк, товарищ капитан! Прежние два сгорели.

– Вояки, – хмыкнул капитан.

– Мы подбили пятерых немцев, из них троих сожгли, – спокойно продолжил сержант. – Три «тридцатьпятки» и две двойки.

– Правда? – Капитан впился глазами в Ильяса. Тот молча кивнул.

– Ладно! – Капитан успокоился. – Воевал раньше, сержант?

– В Испании.

– Хм... Неплохо. У меня сплошь молодежь. Опытных еще перед войной растащили по другим дивизиям. Командиров некомплект, взводами сержанты командуют. Вовремя вы. Лейтенант, примите взвод у Фирсанова! Идем, введу в обстановку!..

Рыжий встретил Ильяса на обратном пути.

– Наступление, – сказал Ильяс.

– Знаю.

– Откуда? – Ильяс подивился его спокойствию.

– Солдатский телеграф. В штабе фронта приказали нанести контрудар. Они там до сих пор считают, что мы немцев стальным катком... Попрем в лобовую.

– Капитан сказал: перед нами три немецких дивизии, из которых две танковые. Командует Гудериан! Да он нас!..

– Спокойно, Илюха! – Рыжий оглянулся по сторонам. – Действуй, как вчера договорились. Прорвемся! Я все ж ротой командовал...

Возле танков их ждали. Невысокий крепыш в комбинезоне рубанул навстречу строевым.

– Товарищ лейтенант! Взвод для вашей встречи построен! Младший сержант Фирсанов!

– Вольно! – нагло влез рыжий и заговорщицки посмотрел на Ильяса.

– Товарищи бойцы! – Деваться было некуда, на память Ильясу пришла сцена из старого фильма. – Мы это... идем в бой! Сейчас сержант Волков... э-э... доложит... введет в курс дела.

– Смотрим сюда! – Рыжий перехватил инициативу. Он подобрал с земли прутик и зачертил на песке. – Значит, так, мужики! Наступление – это вам не парад, рванете по прямой, подобьют мигом. Движемся так! – Он нарисовал на песке зигзаг. – На ходу не стрелять, не попадете. Короткая остановка, выстрел – и дальше.

– Снарядов мало! – перебил Фирсанов. Похоже, он тяжело переживал смещение с должности.

– Возьмете у нас! В танке полная боеукладка... И следите за противником! Лучше самому не выстрелить, чем получить снаряд. Из башни обзор никудышный, пока не станут стрелять, торчите в люке. Примечайте, мотайте на ус. Обходите взгорки, ищите низины. Увидите танки с толстыми пушками, не бейте в лоб! Это «тройки» или, что хуже, «четверки». Лобовик у них мощный, «сорокапятка» не возьмет. Подбирайтесь сбоку! Немцы в этом сами помогут. Начнут обходить с флангов, это их обычная тактика, подставят борта. Тогда и бейте! Все ясно?

Танкисты кивнули.

– Разойдись!

– Теперь ты, Коля! – Сержант поймал мехвода за рукав. – Если вздумаешь гнать, как на параде, шлепну лично!

Мехвод сделал обиженный вид.

– Все, что сказал, касается и тебя. Подчиняйся командиру! – Рыжий указал на лейтенанта. – Он сидит прямо за тобой. Положит ногу на левое плечо – сворачивай влево. На правое – вправо. Нога на голову – остановка. Убрали ногу – дуй прямо. Ясно?

Климович кивнул.

– По машинам! – пролетела по лесу команда.

Экипажи полезли в танки. Зарычали моторы. Ломая подлесок, машины стали выбираться на опушку. «Если б рыжий не поднял нас так рано, мы бы не успели к атаке, – с тоской подумал Ильяс. – Ехали б сейчас по дороге...» Спустя мгновение он забыл об этом. Десятки танков, выбравшись на луг, устремились вперед. Гул моторов, душный выхлоп сгоревшего топлива, грозно устремленные вперед пушки. Казалось, что никто и ничто не в состоянии остановить эту армаду. «Сверкая блеском стали... – вспомнилось Ильясу. – Сколько же нас?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.